

КЭТУ

OM

Размышления по поводу пьесы Ж. Кокто «человеческий голос»

Алло, алло! Да нет, мадам, вы очень мешаете нам говорить... Я тоже просто абонент... Но, мадам, разъединитесь вы... Алло, мадемуазель! Да нет, здесь совсем не доктор Шмидт! Восемь ноль-ноль, а не ноль семь... Алло! Это смешно...

(Кладет трубку). И я не знаю, кто виноват... (Звонок).

Алло! Но, мадам, что же я могу сделать?! Моя вина?..
Вовсе нет! Алло, мадемуазель!.. Я прошу отключить эту даму!
(Плачет). Я прошу отключить эту даму!

Алло! Это ты?.. Да, мерси!.. Ведь это было пыткой еще слышать твой голос среди шума!.. Да, да... нет, удачно очень... Я только сейчас возвратилась. Ты раньше мне еще не звонил? Ах! Нет, нет... Я была одна... У Марты. Ведь сейчас десять часов. Ты у себя? Тогда взгляни на свой электробудильник... Так думаю и я. Да, да, дорогой... Как вчера?..

Вчера

История любви – как сон, переплетение поэзии и прозы.

Будто в Саду – первообразов – гуляла прекрасная вечно-юная кукла, точно вылепленная из фарфора... Вечная и счастливая.

Вдруг – заблестев Солнцем – оживает Сердце, стучит, поет, и звук вырывается ввысь, сквозь сон... ввысь, словно становясь диковинным цветком...

В Саду – рассвет. Будто – взамен тишины. И – цветение розовых роз. Это сердце. Ее сердце... Сейчас спрятано, надежно защищено цветным фарфором и... фольгой.

Телефонный разговор – шаг за шагом в Саду... Словно по снегу... Словно – босиком... Словно в розовом рассвете утопающий... Улетающий... шаг... Цветущий ... Сад... Розовый...

II Любовь

Он принес Ей в подарок Черные Розы...

Она спрятала в сердце Первую горсть снега...

...Она долго пыталась разжечь

Охладевшими пальцами

Тусклое пламя любви...

Утро – без Солнца...
Телефонная нить – как цветы на снегу...
Перешагнув страх Его измены – теперь,
обвив свою шею и плечи телефонной нитью,
проводом – в последний раз – она улыбается... Будто
позирует кому-то для фотографии. И – будто –
перешагивает Смерть.
Идет по снегу...

III Измена

...Рано утром –
Вернувшись из Сада –
Букет неживых маков...
— Спасибо за боль...
(Сон) (снег) (Смерть)
Мгновенье трещины в стене
Покрытой перламутром боли...
И снова снег...
Цветы на снегу.
Слова любви...
Просто – телефонная нить – как цветы...

Это –
В далеком Небе,
Среди звездных нитей –
Обрывок жизни
Ее сна –
Ее любовь
и Судьба.
Просто –
звук...
Просто –
только ее –
Розовые розы...

Тебя помнить – след – в – след.
Твой шаг – слышать
Твое слово...
Пока нет последнего благословения.

Сухая ветвь

— Упаду, где не растет мох.
Легкозвучное Солнце
Улыбчатой трелью
Сломилось.

Седое Солнце

Уже давно
Последняя звезда
Устала ждать
Рассвета.

Звучи, обеззвученной флейты
Улыбки моей воздух...

Зажмурюсь от боли –
Беззвучное Солнце!

Разве возможно –
Беззвучное Солнце?

Звучи –
Обеззвученной флейты
Улыбки моей воздух,
Лей –
Окрыленного облака
Трель соловьиною
Вей!

И – будто – жизнь...

Тихо выгляну – вслед...

Давно забытая весна ... когда
В холодный воздух
летели разноцветные шары
Роняя звук прозрачно –
фиолетовый
Подснежников цветение
влажный вздох
опередив...
Когда...

Первый след

Подснежники,
Лишенные терпения
Притаились в зелени
Еще не замутненной
взглядом –
стерегущих свет.

Глубокой
дрождью
ночь
В дыхании
дождя
вплетает
аромат
подснежников.

Nostalgia

«Сидят на земле безмолвно...,
посыпали пеплом свои головы,
препоясались вретисцем;
опустили к земле головы свои
(девы Иерусалимские...)
(Плач Иеремии», гл. 2)

« — Смотрите,
журавль!
— Как тяжело летит!»
(из Японской народной сказки)

I

Пух Журавлиный
По Ветру
Пуцу.

II

Сегодня –
Подстригали Птиц,
Забыв о Зимнем
Обещании Ветра
С Другого Берега
К Рассвету обернуться.

III

И спался Пух журавлиный на плечи,
и головы их преклоненные
были осыпаны Пухом.
И не осталось нигде рядом с ними
Ни одного журавля
И не могли они к Небу
Поднять свои Лица
И глаз своих ввысь обратить,
Потому что сегодня их уста
Лишены были Пения –
А уши – слуха
И так стояли они долго
И неподвижно
И не могли покаяться...

Пасха (двухголосие)

«Если же из птиц приносит он
Господу всежожение, пусть сожжет ее...
на жертвеннике,
на дровах, которые на огне...»
(Левит, Третья книга Моисея, гл. 1)

Жертвоприношение Журавля

I

— Скупым дождем, бессилием
осенним,
Аллилуйя
Сухой улыбкой ожидания,
когда
Аллилуйя
Из-под земли бурлящим
Нетерпением
Аллилуйя
Тягучей Лунности
Рождения и сна
Аллилуйя
Сгори, Огонь!
Взойди,
Взойди,
Весна!

II

Взошедшего
Солнца
Не жаль!
Из-под снега
родятся опять
журавлей улетающих
крылья...

Голубиные
Крылья
Подснежников.
Белая Русь.

Журавельная-зазывальная

Где же, где же,
Свят, Свят,
Ясный Солнца
Свет, Свет?
Окна и двери
Распахнуты с ноченьки,
Лица умыты,
И волосы убраны,
В косы уложены,
Рученьки подняты.
Сердцем тревожливо
Весть ожидаючи,
Песню свивают
Из шелка дождливого,
Шелка холодного,
Так ли не маялись,
Так не печалились
Ноченькой лютой
Зимы сиротливое
Младо не байкали?
Где же ты,
Ясное,
Светом одетое,
Миром воспетое,
Ликом холодное,
Жаркое,
Кроткое,
Красное?

Майну

Из-под ног уходила земля.
Расползалась глыбами, пластами Времен,
Растирая в спираль звука
Всю тяжесть слов...
— Майну – майну! –
Бил колокол,
Словно кто-то из недр,
Снизу,
С самого дна,
Бросал камни...
— Майну – майну, – вторило эхо, падая в пропасть...
Обнажалось темно-зеленое дно прошлого,

Просыпался вулкан.
Оживала спина динозавра.
И наизнанку вывернутые тела континентов
Выплывали наружу мамонтов, ящеров, слонов и
драконов
— Майну – майну! – вращалось дремучее земное эхо.
— Майну – майну! – гудели слоны,
наползая друг на друга спинами,
сливаясь друг с другом,
проходя друг сквозь друга...
— Майну – майну! – бил колокол.

А там, в вышине,
разливался бирюзой Океан...
И когда отворились тяжелые железные Ворота,
Обнажив белые башни диковинного Дворца,
Сделалось тихо...
Там, за девятью комнатами из девяти зеркал
Пели свирели...
Голубые,
Красные,
Белые,
Желтые...
И Девы с глазами лесных серн
Осыпали фиолетовыми цветами отроков...
А за тонкой прозрачной завесой из голубого Стекла
Играли на гусях ангелы...

Играли и пели,
Раскачиваясь на золотом облаке.
— Майну – майну! – гудела земля.
Плавил Небо и сушу.
— Майну – майну! – ревела вода.
— Майну – майну! – трубили слоны,
— Майну – майну! – бил колокол.
— Майну – майну! – звенели свирели.
И тогда кто-то нежный
Закрыв мне ладонью глаза...
— Майну...

О Свободе и вере

I

Отражение
внутреннего
толчка –
Побуждение.
Действие – конечный результат –
начало Нового Витка
В продвижении к Вере.
(Вера – как невидимая цель).
Производная Веры – Свобода.
Цельность – уверенности.

См. рисунок 1

II

О Действии, о Реализации
Гармония,
Закрывающаяся
В социальном тождестве
Между человеком и Богом –
Единственно возможный знак
Равенства – **наполненный социум** –
Как внутренняя (внешняя) граница,
Как Подведение Итога.

Резюме

Центробежная сила –
Желание и знание отдачи.
Это – не честолюбие в чистом виде.
Это – вечный поиск Орфеем своей Эвридики.
И тогда – я – центр круга...
Но я – это то, что внутри и то, что вовне...
БОГ

См. рисунок 2

Желание Признания, Отклика, Эха, –
установление социальной Гармонии.
(видимое)

III

Имеют ли отношение известные симптомы тяжелых человеческих испытаний во времена великих катастроф к вопросу об Истине и о Свободе?

В качестве примера – **военный быт**, приравненный к **полевому социуму**. Любовь к Родине, включающая в себя систематические нервные потрясения расшатанной психики, выходящей в крупном масштабе на грань общей истерии, подкрепленной определенным знаменем под Символом Отечества может быть уравнено единственно возможным допущением Порыва, Пробуждения. Но! – возникающий в этих условиях разговор о свободе может быть действительным только в рамках разговора об элементарном психическом расслаблении.

Иными словами, свобода (как Символ, Песнь, Истина) делится в этот момент на свободу Духа и свободу Души. Человечество, руководимое Всеобщим порывом (я допускаю то высокое **нечто**), полностью отрецивается от этого самого Нечто в социуме. Шизофреническое расщепление жизни, расцвет истерии с вытекающими из этого поступками.

Дискомфорт Души – Война. Нарушение Гармонии, перечеркнутый знак равенства, отождествляющий жизнь человеческого духа с жизнью Бога – **военный быт (социум)**.

Свобода, сменившая одежду Веры.

(Истина, Вера Полевого Быта – быть свободным – быть расслабленным – естественно на уровне подсознания. Ломка морали. Тот самый момент, когда с ног на голову переворачиваются все человеческие ценности.

То – что – имеем:

утрата Веры – Приобретение **Законов**.

Руки (Сон)

И – будто – в черно-белых тонах

Теснота. Руки.

Миллион рук.

Темнота.

Чёрный глаз сквозь стекло

Дверь.

Огромный старый сундук – атрибут детства,
связующее звено кошмаров растаявшей темноты

Прошлого,

возобновление Невидимого.

Чёрный глаз – в стекле.

Руки выростали из крепости сундука,
тянулись в тёплый первоцвет Прошлого,
без времени вытягивая, очищая
запылившееся в памяти осязание старой Двери.
Глаз расплзлся во всю ширину окна.

Зрачок фиксировал четыре руки.
Четыре обозначались множеством,
записывались несплетаемой речью бессвязных слов
и поступков,
руководимые невнятистью порыва,
очарованно складывались правильными горстями
пальцев,
вызволяя из Ветхости Сундучного сознания
нескончаемый ворох Ужаса
И Боли.

Эхо называлось
Счастьем.

Трепет по коже, по стеклу.
Оконный глаз.
Затишье.

Безмолвное согласие раскатывалось
бесчисленностью атрибутов
Веселья и Страха:
костёр, свернувшийся на груди,
бесцветный пепел, плач,
одноцветная раскалённость углей –
вразрез со всем прожитым,
Насмешливый чёрный глаз в окне.

Свёртывание. Отступление.
В лоб – «Сглазили!» –
Сопrotивление.
Беззвучный шепот,
притаившееся дыхание обоюдного страха...
Растёкшийся расплывшийся в ответ
оконный глаз...

...Две кошки на Дереве.
Свернувшееся клубком признание.
Мягкий Утренний
Свет.

I Зимнее путешествие в лето

Тонкая грусть –
Под кипарисами –
Льет дождь.

«И все заговорило: их кувшины,
их противни из глины»...

«Пополь-Вух»

Смотрю
вглубь
кувшина.
Хоттабыч –
это я...

II Пальмовое воскресенье¹

Через замерзшие стекла
Прозрачные щупальцы пальм, –
С Новым Годом.

III

Снег уносил чаек
В Белую глубь моря.
Солнце – слепое
Струилось повсюду...

IV

Прозрачные стволы сосен
В снегу
тают....

¹ Соответствует Православному Вербном Воскресению.

Взгляды (И – будто – в черно-белых тонах)

I

Снежные кляксы
Черных ворон
На снегу
Железнодорожного полотна.
Дорога в Весну.

II

Черный вороний снег
Железнодорожного полотна.
Дорога в Весну.

Белое покрывало.
Черные струи волос.
Подстригание в монахини.
Черные стрелы волос
На белом покрывале...
Инквизиция.
Почерневшими ручьями
Срезанных волос
По паркету
Растеклась боль...

Деревья –
это
наши
мысли.
Птицы
это
наши
чувства,

в которых
мы,
 обернутые
 снами
 цветных
 дождей,
спим,
 защищенные
 от
 всякого
 беззвездья.

В осеннем –
 песке –
 ищу –
 я –
 твой –
 след,
но –
 нет –
 тепла –
 в нем, –
как нет –
 света –
в –
 тусклых –
 глазах –
 лета.

Ave sol

Там,
 за гранью земли, где спираль
 молчаливого Солнца распята
округлостью взгляда,
 туда,
где мольбы торопливой
 Последнее слово зачато,
 Ответом тому, кто еще
На песке не оплакал свой кров –
 Только – ветер
 В лицо –

Ave sol!

Ночь на Ивана Купалу

(Солнечное затмение)

I

Тяжелый колокол
Гудит по ветру.
Зарница сыплется
Огнем под ноги...

II

Волнуется зарево
Огнем –
по Небу.

Костер
Подхватывает ночь
Под руки
И вырастает
Медный серп –
В облаке.

III

В лесу. Рассвет над озером

Глубокой дрожью ночь
В дыхание дождя
Вплетает аромат
Жасмина
И подснежников.

IV

Первый след

Подснежники,
Лишенные терпения,
Притаились в зелени,
Еще не замутненной
Взглядом
Стережущих Свет.

V**Зазывальная мольба**

Где же, где же
Свят, свят,
Ясный Солнца
Свет, свет?
Двери и окна
Распахнуты с ноченьки.
Лица умыты
И волосы убраны,
В косы уложены.
Рученьки подняты.
Сердцем тревожливо
Весть ожидаючи,
Песню свивают
Из шелка
Дождливого,
Шелка
Холодного...
Так ли не маялись,
Так не печалились?
Ноченькой лютой
Зимы сиротливое
Младо не байкали?
Где же ты, ясное,
Светом одетое,
Миром воспетое,
Ликом холодное,
Жаркое,
Кроткое,
Красное?

О поэзии

Музыка (вдох) – ветер, живой поток, вода, водопад, огонь, свет, идущий через тело человека.

Человек – стебель, дерево, колыхается, живет, дышит!

Звук – человеческий голос – обратный ветер (выдох), отражение в человеке, в его душе, в сердце, как в озере, дыхания музыки.

Каждое живое существо... это инструмент, звучащий своей душой в ответ на ветер...

Как трава, листва...

Потребность называть предмет, т. е. различать в видимом

мире себя, свое, узнавать и извлекать такты своей музыки, узнавать родное, еще звучащее внутри, но ставшее опять же вовне – видимым... Как будто изображением музыки Сердца, изображением Ветра, коснувшегося ветвей души.

Видимое – как отражение внутреннего предмета...

Что узнаю – называю...

Это живой мир поэзии.

Поэзия – это отражение Ветра, музыки диониссического настроения через душу, ветра, оставившего там следы, какие-то конкретные чувства, И мы наделяем этими чувствами внешний мир, обозначаем эти чувства словами и нотами слов... т.е. Песней, поэзией...

В защиту металлистов

Мы сыты,

Но с экрана дня

Мы видим дальше вас,

Закрепощенных в латы

Железных снов.

И видим нас,

Рожденных в этих латах.

Но мы трагичней вас!

Нам суждено сказать,

Успеть услышать то,

К чему

Не прикоснуться...

Несоответствием

несовместимостью

Двух исторически смежных вер (культур?) –

Одной –

находящейся в стадии затяжной эксгумации

Другой –

В форме хронической

беременности –

объясняется отчужденность,

конфликтная несовместимость

двух соответствующих поколений,

существующих в вакууме,

в оболочке среды, единственно

возможный шанс вырваться

из которой –
открытием,
рождением Творческого
Образа, как Надежды,
как Абсолютной Веры.
Путь Озарения Порыва, Вскрика
(тут же возникновение металл-рока):
— Быть! –
— Когда-либо! –
— Кем-либо –
— Услышанными!
Бум-Бум!
Быть!

Ледоход.

1

Истекающие
брызги
ворон,
хрипящие в лёд –
Искус Вскрытия.
Вакх.

2

Разбивающиеся
в воздухе
разноцветные
брызги
Птиц!

3

Крики
Чаяк,
взъерошенные
яркими
брызгами
Солнца,
Прятались
в синюю Глубину глаз.
Смущение.

Ледоход

Грязный
 звук
 диссонанса –
 расколота
 гармония
 льда,
 тянущаяся
 по Реке.
 Lento
 Grave ¹.

Векторная модель страха.

I

Страх,
 сохраняющий себя
 в надежде на преимущество
 строго очерченного векторно-
 эволюционного продвижения.
 И преобразования...

II

Ведь – если –
 заклѳенная в Символ Вера –
 Абсолютная Вера –
 Вера во всех векторных направлениях,
 являющая собой законченную форму шара,
 обособляет страх в полость долевого отщепенца,
 в сектор, выщербленный из общей
 закономерности форм,
 он с течением времени трансформируется
 в самостоятельно движущееся тело, во Вселенную,
 прогрессирующую в своём развитии,
 как и всякая живая форма,
 сохраняющую в сфере генетической памяти
 достаточный свод информации
 о более совершенной собранности форм.

¹ Lento Grave – тяжело, медленно.

III

...Строго очерченное векторно-эволюционное
продвижение – жизнь...

Округлости Веры –
слепок
замкнутых
секторов
страха.

Их продвижение –
Их трансформация...

Ты помнишь
когда тебе снился дождь –
в трубе водосточной
вздрагивали
ручьи –
и Солнце,
перехитрив
крышу –
спрятало в мокрый снег –
свою любовь...
звездам?

Ветер
ослабил
петлю
страха, –
разбив
тело
на четыре
равные
части,
выбросил
в Ночь,
полную
птичьих
криков!

Поутру – так близко Небо:
 – зрянь! зрянь!
 трлитикипи!
 трлитикипи!
 зрянь! зрянь!
 – пэурр-тэурр-вэурр
 тэурр-вэурр-кэурр
 эур!
 – йех-йех
 кьео-отто!..

Солнечный Луч
 скользил по гладкой поверхности воды
 ладонью, тянущейся к Горизонту.
 Прозрачные прикосновения Пальцев,
 отражённые улыбкой Радужных Пятен,
 в знойной высоте Неба,
 прятались в плотный унисон Звука,
 равного Тишине.

И – как – предчувствие...

Колокола отбивали Полдень.
 По раскаленной Солнцем площади
 с четырёх сторон к Храму стекались люди.
 Конским цокотом, смехом, пылью и потом крестя
 мостовую,
 из цыганских повозок,
 одна за одной,
 промелькнули фигуры Трёх Женщин,
 Трёх Ликов,
 сокрытых
 под тёмной вуалью, –
 Встревоженный ветер донёс голоса и шептанье:
 – тяну-тяну-тя-а-ну
 рана-рана-ра-а-на
 ка – ану...
 – буди-буди-бу-уди
 в груди-груди-гру-уди
 гу-уди...

– там-нам-сам...
В клубах придорожного дыма
отлитые бронзой тела голубей
тяжелели к Востоку...
Усталое Солнце
беззвучно входило в Зенит.
1989, июнь, Краснодар

Колокол

Луну –
И –
Звезды –
Прошу –
в сердце –
железных –
жил –
струи!
Жизнь –
Вечное –
Солнце!

Пасха

I

Палит!
Нещадно
Солнце пробивает
голову!

II

Дождём
измученное
Утро.
Снятие с Креста

III

Туман.
Растянутая
по земле
Сырость.
Завёртывание в Покрывало.

IV

Осколки Креста –
оправа Веры.
Пасхальная Круговерть.
Звон.

Зеркало

Я движусь на ощупь,
но пальцы твои
не могут ко мне прикоснуться –
в стекле,
отражающем
след моего шага.

Часы

Чувство Времени – форма Покоя.
Маятник.
День
 сменяет
 Ночь.
Ночь
 сменяет
 День.
Сколько
 проходит
 Лет?

Вглядываясь
 в бутон Розы,
Вслушиваясь
 в звук Флейты, –
Вы
 тя
 ги
 ва
 юсь.
Древо Жизни.

The Old World

Цветные карточки,
пахнувшие клеем,
сложенные в тёмном углу деревенской бани,
бредили сухим текстом древнего языка:
«...One day from happiness home...»

Женщина едва успевала складывать
светящийся свод Лучевых Знаков
в пестротканную ленту радужных иллюстраций.
Мужчина топил печь.
Связывал узкой цветной лентой
бревенчатость тупиков,
время от времени ему бредилось...

Ярко-синий очаг Дома,
измельчённый в Памяти Утренних Звёзд,
кружил сном сказочных превращений,
раскатываясь в молочном дне липкого полдня,
скрашивал подступающую к глазам желтизну старости
белым комком Снега.

Вскрикнув от зноя
они сбросили шубы,
оборвав петли Вышивок,
сдвинули с глаз шапки,
Он вспомнил,
какого цвета у Неё Волосы.

Сидящая в Золе Женщина,
скрытая светлым оком Утренней Памяти,
медленно одевалась...
Белый шлейф
Похоронной процессии,
всплеснув шелк
сорванной с Окна ткани,
размёл Створчатый Свет Деревянной бани
брачным сном мечущихся чудовищ,
Люди
ушли
в
лес.

Утро

Вбирая ограниченность действительного существования,
тягу к логическим связям,
выраженным Реальностью,
Сон ломает Подлинное Время,
раскрошив его в мелкие разноцветные лоскутки
тряпичной мозаики.
Просыпаешься –
и всего лишь связываешь
вытканые сном беспорядочные Узоры
в строгий логический Орнамент Рассудка,
рвёшь тончайшие нити,
не связующиеся с Разумной действительностью,
во имя орнаментальной закономерности Постигаемого, Общего,
Прикасаемого.
Всё забываешь.
Записываешь то, что осталось.

В соснах скрипели Вороны.
Просыпавшийся меж крон Солнечный луч,
испуганно обвёл зелёным Циркулем Взгляда
песочный круг Благовестия, –
скрылся в траве...

Мари

I

С улыбкой
Ты смотришь
как тает
свеча снега
в моем
сердце.

II

Пречистая,
Тайну –
твою –
Солнцем, Луной

сокрытую
 тайну –
 читаю –
 в Имени Твоём –
 Ма – ри...
 Тишины
 лепестки,
 словно воск
 на ладони –
 Тайна любви твоей –
 море –
 Ма-ри...

Марі

I

З усмешкай
 Ты бачыш
 як тае
 свечка снегу
 у маім
 сэрцы.

II

Найчысцейшая,
 Таямніцу –
 тваю –
 месяцам, сонейкам
 схаваную
 таямніцу –
 чытаю –
 у Імені Тваём –
 Ма – рі...
 Пялёсткі цішы
 быццам воск
 у далонях...
 таямніца
 любаві тваей –
 мора –
 Ма-рі...

Форточка

Тревога
 носилась
 в воздухе,
брюзжа
 металлическим
 звучком
ветровых
 хлопьев.

Обломившийся
Кусок
Женщины
Переходящей
Мостовую
Нервно
Подбрасывался
Тенью
Металлического
Экскаватора
Вдоль
Желтого
Дома...

Китайская загадка

Красный колокольчик
 По Небу проплывал
 Облако целовал, –
 Жмурился.

Молнии разрывал,
 Громы освобождал.
 Земли испепелял, –
 Щурился.

А пришел срок –
 Сном
 Изнемог.

Ключ

К родникам
на вершинах
серебряных гор
птицы сердцем
приникли.
Слушают –
песни живой
чистый голос.

— Снег не останется,
В сердце
Растает.

Алой зарею
Взойдет
Тишина.

И расцветет
Журавлиной
Печалью

Первая
шалость
Подснежника.

Я слышу сверчков,
их звуки чисты,
как летние звезды,
в которых рождается
стук твоего сердца.

Пряди.
Пряди спас.
Благословение Приди –
Лепетание колыбели –
Пряди
сокрытой
белой...

Весной в лесу переживаю дождь.

Еще и еще
фиалки цвет:
как незаметно,
как быстро
гроза кончилась.

Весной

— Как высоко! —
плачут деревья.

Волк

Подбелило крыши.
Звезды подрумянило,
И все дальше
Отрывало,
Отделяло,
Относило
От земли
Схваченную
Первой судорогой
Ветра,
Смятую кожуру
Прошлогодних листьев.
Так
Замкнулся еще
Один круг.
Словно не было
Ни Ивана Царевича,
Ни Жар-птицы,
Ни Золотой Рыбки,
Ничего
И никого
Не было,
Кроме Волка,
Одинокого
Серого Волка
На опустевшей Земле.
И ниоткуда
Не слышалось больше
Ни единого

Чистого звука,
Ни нежного вздоха.
Ни ясной мелодии флейты,
Ни дальнего зова рожка...
Всё
Сгорело
И унеслось...
Только Волк,
Одинокий
Голодный Волк,
До рассвета бродил
По пустынной земле,
И слезились
У Волка
Слепые глаза.

Море это покров
то, что нельзя видеть
 постигается слухом
через вибрацию взмаха:
 чайка – крыло – горизонт
это сознание ветра –
 меняется ежесекундно –
точно березы песок –
передвигая пространство –
 шершавым касанием –
скрипки смычок –
и –
 теперь.

Тишина – одиночество в хоре

Два – это дыхание

Три – это время внутри и вокруг.

Признак дождя – постоянство.

И сказал я себе:
Посажу Дерево –
И пусть корни его
Укрепят мою силу,
А ветви его –
Сохранят мою веру,
А листья его –
Скрасят мою жизнь...

И стало прорасти посаженное под Солнцем
И приносить каждое – плод свой...
И проросло посаженное на рассвете...
И плод его оказался нежным,
как аромат цветущей сливы...
И проросло, посаженное в полдень, –
И плод его оказался сочным, как спелый виноград...
И проросло, посаженное к вечеру, –
И плод его оказался горьким, как незрелая смква...

И – осень...

Сжигаю последнее лето –
тяжёл
отрезвляющий воздух рассвета
как медленный взгляд вдоль ручья...

Лунная скорбь

Когда-нибудь
отпустит боль
меня на снег
погреться?

Осенняя радость: – Не вянет...

Евангелие от утра

Вечернее Солнце
Даёт обещание Сирени:
— И глаз не успеешь сомкнуть – отогрею...

Какие прозрачные руки у ели! –
Запахло росой
невозможной...

— Солнце кольнуло в груди! –
соскользнув с подоконника,
спрятала в воду лицо
чуть живая гвоздика.

Там,
где синие Пальмы
под Солнцем
звонят бубенцами,
крест-накрест
по белому
шелку
травы
вышивает Цыганка
подкову

Песня-Заговор

Маков Цвет,
Маков Цвет,
В Озере

Не тони
Тёмном.
Там,
на Дне,
Злые Упыри
Схоронят
В Песке
Ровном.
А плыви
по Ручейку
Серебристому,
К Морю
Чистому,
Далёкому,
Искристому!

1989, май, г. Чебоксары (Шупаишкар)

Осенний сад

Скрылись цветные ромашки
в запахи божьих коровок
не верит засушенный гриб.

Объятые Солнцем
Гибкое тело сосны.
Как не заплакать?

В белых косынках
косые ромашки
кланяются, крестясь
каждому, кто кивнет...

Коктебель

Носороги ушли в море. Унесли сушу.
И свет от звезд, спадающий на плечи
Подножий гор, обернутых в туман
Зеленых снов, дрожит в песке...

Прометей,
прикованный к Солнцу
Коктебель.

Памяти поэта М. Волошина

Набеги волн, слонов телодвижения,
Седую тень подняв из глубины,
Легли в песке...

на могиле М. Волошина.

В легкой гальке –
Грузное сердце.

Пробуждение

Я скоро уйду
Высоко в горы
Снег на глазах
Тает.

Весеннее Небо

Тень крыльев
Распластавшейся в облаках
Птицы.

Сны

Замки воздушные – мыльные шарики, –
Мальчик с цветочком в руках...
Свечи угасли... потухли фонарики –
Мальчик остался впотьмах!
Я зажимаю в ладонь в миг
сомнения

Тонкую ниточку Сна:
Мальчик с цветочком, молись за Спасение!..
...Остров... Ни звука... Одна...
29.01.1985г.

Вонзается в Свет – снег!
 С горы
 Ледяной –
 груз!

Туда,
 В Перезвон Лет,
 Пиковый летит Туз!
 От карточных слов –
 прах!

Бумажной игрой –
 пуск!

Вонзается в Сон –
 страх!!!

Вонзился... –
 А он
 пуст...

10.06.1985г.

СНЫ

I

Стон искрится –
 Сном ложится
 По земле.

Мне не спится.
 как ужиться
 Здесь, на Дне?

Мука роком –
 у порога –
 постучит,

И в ладони –
 Груз безволия –
 Вручит.

II

В спасении –
 радость,
 В сомнении – дрожь,
 А в спину – слабость
 (куда уйдешь!)
 Окликнуть в Летах! –

(да высоко!) –
Хвостом кометы...
Ах, далеко...
Летит, сдаваясь
В безлюд Веков,
Под стон свирели
В сон облаков.
11.06.1985г.

Сон

Постройте мне дом по весне
Из бревнышек.
 У изголовья
Чтоб только цветы на окне,
И чтобы за окнами – море.
Чтоб вымыты стекла дождями,
В саду бы березки кружились,
Чтоб искренне верилось днем,
А ночью, чтоб радостно снилось.
Чтоб хмурость, усталость души
В том домике в дым обратилась,
Чтоб Солнце за крышу
 садилось
И кошка спала на печи.

Подвластно страху,
Подобна жути,
Душа – рубаха,
Твои минуты!
 Горишь без дыма,
 Себя не зная,
 Душа – рубаха,
 Я вся такая! –
Поверю взгляду
(Ах, сердцу Чуда!) –
вдыхая ладан –
Я вся – оттуда...
 Молитвой – скрежет
 Полночной боли.
 Душа – безбрежность,
 ...Доколь... доколе...
08.06.1986г.

Где-то праздник в Песне,
шум в морском песке,
Вести... (ах, не вместе, –
Там, на языке...)
Скажешь – как уронишь.
Свяжешь – не вернешь,
В горло, на Бескомье,
Косточку воткнешь.
Хохот прольется,
Колос – совется,
В сердце вопьется,
Сном обернется.
Сказание – ах!
Величиной (взмах!) –
Трах! Бах!
Травка в зубах...

05.02.1986г.

Сны

Во сне отзовешься плачем,
В конце перережешь нить,
Беспомощной неудачи
(Ах, некому защитить...!)
По памяти – треволненью –
Бегом! Босиком! От сна!
Откроешь глаза – забвенья!
Закроешь – опять игра...
Вслепую, на ощупь муки!..
Там кто-то кричит: лови!
Глаза! Чьи глаза?.. старухи.
А губы? – былой Любви.
По Мостику – над исходом...
(В канат перетянут срок,
Забавой, слезой забытой)...
Под Мостиком – Ручеек!
Бесструйность – крайняя...
Игра – недавняя...
Ошибкой плещется,
Концом мерещится...
Я – россыпи
Дна слезного...
Мир – грозами...
Сон – розовый...

28.06.1985г.

Что-то упростилось,
Смялось, улеглось.
С сереньким сроднилось,
С тепленьким срослось.
Перезвон – бравадой,
Тенью полуслов...
В качестве награды
Замкнутость миров...

26.05.1985г.

Письмо

Вечно знающие
И утверждающие
Злую – истину,
(Только – истинно...)
Подскажите мне,
Утопающей,
Можно ль выстоять?
Нужно ль выстоять?
Как в ладонь руки
уронив слезу,
Целый мир спасти,
Отвести грозу?!
Кто сколотит плот
И подбросит круг?
Рядом кто со мной –
Он печальней вьюг! –
В сердце сна бутон!
Как раскрыть обман?!
Рассмеяться в ночь
И не взвыть от ран?..

10.06.1985г.

Сны

Отрадности глаза тусклые,
Безоблачности сны грустные.
Навыорот – судьбой сгладятся...
В корявой темноте...
Сладятся...

26.05.1985г.

Собираю... Выбираю...
 Вырываю! Отдаю!
 Не играю... Не рыдаю!
 Я – смеюсь! Смеюсь!!!
 ...Пою...

02.06.1985г.

Обрывки сна

Опомниться... здесь – миг.
 (Уверенность – в пух, прах...)
 По ниточке сон свит,
 В иголочку вдет страх.
 Опомниться! Ход – пуск!
 Замедленность.
 Стон – шаг.
 Ах, страхом в душе!
 Пусть!
 Уверенность?! так-так...
 Опомниться! Слаб – в бег!
 Заклятьем до слез вымок!
 Опомниться –
 Вот – смех – повис:
 Не обжечь
 крылья...

Перегорается (свинец, плавится при t...)

В груди – свинец...
 Не сердце – камень –
 всему конец!
 (ах, кто лукавит?..)
 Но так давно – перегораю,
 И – в кровь лицо – смеясь, рыдаю!
 Душой – в весну!
 Нужны ль моленья?
 Но зимний сон
 без потепленья.
 Утратай – вспать:
 (ах, эти взоры,
 И чьи-то боли...

Слезы – море...)
Рассвет –
 в душе неугомонной...
В груди –
 свинец – не...
 закаленный.
14.04.1986г.

Если помню, что не знаю,
Если верю, что не жду,
(Только к сумрачному краю
сумасшедшая, – бреду.)
Если знаю, что не вижу,
Если песен не пою
(Только кривду ненавижу,
если все-таки не сплю).
Где найти, что потерялось?
Отболелось, не срослось?
Как сберечь хотя бы малость,
Чтоб когда-нибудь сбылось?
12.04.1985г.

Песенка-прибаутка

Глупенько – безрадостен
 Солнечный денек...
(Перезрелой слабости
 Тлеет уголек...)
 Песенка – побасенка
 В дебрях полутьмы...
Так, смолой над тазиком
 Догораем мы...
22.04.1985г.

Тени

Обрюзгшие тени
Бегут по пятам...
Кто верит в моленья
Забытым Богам? –
...Безмолвные тени
В ненужной ночи
Склонили колени
У тусклой свечи...

Опущены плечи,
Закрыты глаза,
Мечтой Бесконечной
О Прошлом – слеза, –
Спиною скорбящей
Воздвигнут вопрос
О Светлости – спящей –
Над Свечкой! Всерьез!
...Печальные тени
Кричат по углам:
«Поверьте в моленья
Забытым Богам...»

СНЫ (БОЛЬНИЧНЫЕ)

Сырость коридоров,
Неизменность стен.
Безысходный ворох
Лучших перемен.
Упрощенной Маски
Блеклое Лицо...
Судорожные пляски
Будущих Концов.

14.03.1985г.

Через судьбы гробовое молчание
Все равно – пишется,
Ленточкой тянется.
Все равно движется,
Хоть не связуется,
Боль – отодвинется,
Свет – образуется!
Через ветра
 донесется
 и свыкнется,
Тонкою ленточкой,
 Легкою тиною,
Слюбится, сладится,
 Сердцем откликнется,
Сном перекрестится,
 Как паутиною...

03.12.1985г.

Радиопередача

Передача

Ах, безъединство Времени,
Разбросанности крылья!
Клубок любви запутанности ряд!
Мы на земле однажды все открыли...
Лишь путь к Себе... –
но это путь Назад...
Мы так гласим (до судорог –
бесспорно!)
Спеша закинуть обалделый взгляд
В шарады цифр и буквенности
форму –
Ведь путь к Себе, –
мы знаем, –
путь Назад!

Голос

Я вою в спазме,
Смеюсь от крика,
О, Боже, Боже!
О, Рок Великий!
Доколе мучить
Молитвой Время,
Сжимать у горла
Ладони-змеи?!
Не вижу Света,
Не помню Неба,
О, Боже, Боже!
Ищу ответа!
Добра участия!
Не в снах, Великий, –
В ладони – счастья!
Не смерти блики...
Не обалделость
от равнодушья,
Услышь, Великий, –
Не много нужно!
Понять – не в силах,
Решить – не смею,
Любви – не знаю,
Любить – умею!
На суд твой – сердце
От боли кину!
Откуда, Боже,
Найти в нем силы?

Все, чем дорожишь – Пепел!
Одиноких слез – Песни.
И не та Звезда светит,
Не о том душа грезит.
Свят лишь белый час – Утра,
Где Безверью нет места.
Лишь тогда глупец – Мудрый,
Только там слышна... Песня!

Электра

по мотивам пьесы Софокла

Поэтическая импровизация
музыкально-пластического спектакля
по мотивам Софокла

«Электра»

*«Ахейцев ждать заставила она,
Пока отец в возмездие за зверя,
Своё дитя ей в дар не принесёт...
Вот повод гибели её... И в Трою
И вспять домой был преграждён им путь».
Софокл «Электра»*

Действующие лица:

Электра
Клитемистра, ее мать
Хрисофемиды (сестра Электры;
дочь Клитемистры)
Наставник
Орест (брат Электры,
сын Клитемистры)
Пилад (друг Ореста)
Флейтист (Судьба)

Сцена 1

*Микены. Древнегреческий город. Восковое застывшее
пламя. Угасшие лики светил. Микены – образ древней земли –
той, где жили птицы и люди со светлыми как у птиц, сердцами.*

Электра (*врываясь на крыльях, бросается к мертвому камню. Звездой
раскаленной впивается слухом в ночную кору. Слышится плеск
волн далекого моря*):

— Папа!

*По-птичьему плачет, озирается вокруг во тьме, ищет, зовет
Отца.*

Ой-го-таляйн
Оле лятэд
Энхе-мэра...¹

¹ Здесь и далее транскрипция перевода с древнегреческого языка
возгласов Электры. «Например «О, горе мне, злосчастной».

*Каменный корабль со свечой, словно древний склеп,
движется по выжженному дну моря.*

*...В ладонях Электры – это маленькая головешка, будто
осколок кормы разбившегося судна. Вокруг – камни, обгоревшие
деревяшки.*

Электра (*движет свой корабль будто по дну древней стихии, будто
сквозь пламя древнего огня.*):

— Апполемэн

Дюстэ ногу

Дэнэй мэти!

*Яркий солнечный крик вспыхнувшей в ночи Чайки, будто
нечаянная звезда.*

— Ой-го-Таляйн...

По стирали смертей и жизни восхождение Утра...

*И движется, движется, словно крохотное сердце – корабль
Электры...*

*Над Микенами гаснут бледно-утренние звезды. Из Ночи
поднимается Солнце.*

Электра:

О, чистейшее Солнце, о ясный, с землей
Равнодольный эфир,
Вы – свидетели горького плача,
Вы – свидетели жестких ударов
Окровавленных рук в истомленную грудь,
Чуть рассеется ночи туманной покров!
А как сна я усладу привыкла вкушать,
Это знает чертога постылого одр;
Да, он знает, что вечно я плачу о нем,
О несчастном отце. Его в враьем краю
Упокоить не смог кровожадный Арес;
Наша мать и ее сопостельник Эгисф
Одолели тебя: словно дуб, ты упал,
Пораженный кровавой секирой в чело.
Так позорно, так жалко погиб ты, отец,
И никто не дерзает оплакать тебя
Кроме дочери сирой, Электры.

Антистрофа

Но зато не умолкнет печальная песнь,
Моей жалобы стон,
Пока звезд я алмазных теченье,
Пока дня я сияние вижу!
Точно мать безутешная, птичка лесов,
Точно эхо унылое отчих хором,
Буду вечно мольбу я лихую твердить:

О чертог Персефоны, Аидова сень,
 О подземный Гермес и Проклятия Дух,
 О, святые Эринии, дщери богов!
 Вы, что видите жертвы безбожных убийств,
 Вы, что видите ложа растленье во тьме,
 Помогите, явитесь, отмстите врагам
 За страдальца отца нечестивую казнь!
 И пришлите мне брата скорей моего!
 Ослабела я, сил нет одной выносить
 Нарастающей скорби обузу.

Сцена 2

Из предрассветной мглы среди камней появляется Хрисофемида. Что-то напевает...

Электра постукивает сжатыми в ладонях обгоревшими головешками, на которых застыли восковые капли.

Ритм переходит в действие. Будто вращая ритмом пространство, будто призывая судьбу, ударами в землю, будто ища защиты, помощи от земли, стучит сердце Электры, как огромный Поднебесный колокол.

Хрисофемида *(бросается к ней, летит как в бездну, зажмурил глаза, прыгает, словно ломает крылья – с криком):*

Они хотят
 За то, что вечно стонешь,
 Тебя схватить
 И посадить в темницу!

Миг – тишина, точно не было ветра. Звучит скерцо

Электра *(куда-то вглубь – из – глубины):*

Так поступить
 Хотят они со мной?

Хрисофемида:

Да, лишь Эгисф
 В Микены возвратится...

Быстро, на ощупь собирает в ладони разбитые деревянные осколки, будто крохи восковых миражей.

Электра:

(Качнувшийся маятник сердца.

Воском застывшее тело.

Огарок свечи.

Вьется сквозь Время

Ветром качая

Встревоженных чаек...)

— Ой-го-таляйн...

Обвившись, как пламя свечи, вокруг ветра, – то ли плач, то ли песня:

— Анакс Аполон хилеос
Аэртс клюэ...

Электра:

Пусть с богом он вернется – хоть сейчас!

Хрисофемиды:

Безумная, в чем речи смысл твоей?

Электра:

Чтоб он, вернувшись, мысль свою исполнил.

Хрисофемиды:

Исполнил – для чего?

В уме ль своем ты?

Электра:

Чтоб дальше, дальше мне уйти от вас!

Хрисофемиды:

А жизнь свою совсем в ничто ты ставишь?

Электра:

На диво превосходна эта жизнь!

Хрисофемиды:

Была бы лучше, каб за ум взялась ты.

Электра:

Опять меня предательству ты учишь?

Хрисофемиды:

Тебя учу я силе уступать.

Электра:

Сама учись; мне это не по нраву.

Хрисофемиды:

Что пользы нам в паденье безрассудном?

Электра:

Падем, коль надо, за отца отмстив!

Хрисофемиды:

Отец простит нас, уповаю твердо.

Электра:

Так утешать себя лишь трус способен!

Хрисофемиды:

А ты ни в чем мне уступить не хочешь?

Электра:

Не дай мне бог настолько стать безумной!

Хрисофемиды:

Тогда прощай! Иду, куда послали.

Электра:

Куда ж идешь ты? Для кого дары?

Хрисофемиды:

Их мать велела посвятить отцу.

Электра:

Не может быть! Тому, кого из злобы...

Хрисофемиды:

Сама убила – мысль твою дополню.

Электра:

Кто мог решенье это ей внушить?

Совиный всхлип Клитемestры в ночи.

Электра (*преодолевая свое сердце, обнаженными искрами, словно древнее пламя, бьется, качаясь*):

— Эму пэпрос

Тулой

Самхэ саполь лядэ.

Авхой эхой

Мили парэй

Прустэн хэри...

Снова крик Клитемestры из тьмы.

Хрисофемиды (*быстро, вслушиваясь во тьму*):

Ей, кажется

Приснился страшный сон...

Ей снилось, говорят,

Что снова с нею

Родитель наш,

Вернувшийся обратно

На этот свет.

И будто взял он скипетр,

Который прежде сам держал,

Но держит теперь Эгисф;

И водрузил на очаге

И жезл процвел...

И отпрыск –

Покрыл ветвями

Весь Микенский край.

Так передали мне...

Она при людях

Рассказывала сон свой

Богу – Солнца

Вот все, что знаю. И меня она

С дарами шлет того же страха ради.

Электра! Именем родных богов

Тебя я заклинаю: уступи мне!

Не дай безумию тебя повергнуть.

Ведь если ныне оттолкнешь меня –

Увидишь, с плачем призовешь обратно.

Электра:

Сестра моя! Не оскверняй могилы

Ее дарами. Не потерпят Правда

И Благочестье, чтобы ты отцу

Несла даянья от жены преступной.

Развей их по ветру; а то в песок

Зарой поглубже, чтоб они покоя
Его не потревожили – и ей,
Когда умрет, сохранными остались.
Не будь она преступнейшей из жен. –
Не вздумала б надгробным возлияньем
Убитого супруга гнев купить!
Сама подумай: милостиво ль примет
На дне могилы дремлющий отец
Ее дары? Она ж его убила
И, как врагу поруганному, руки
Отсекла, и затем, чтоб скверну смыть,
Живую кровь, пятнавшую секиру,
О голову убитого обтерла!
Так и теперь она твоей услугой
С себя стереть клеймо убийства мнит.
Нет, так нельзя. Все это брось, отцу же
Волос своих прядь крайнюю отрежь,
Да от меня прибавь – убогий дар,
Но это все, чем дочь его богата –
Мой скромный пояс, да волос кольцо
Запущенных. И помолись, к могиле
Склонившись, чтоб из мглы подземной он
Усердную нам помощь на врагов
Своих явил, и чтобы сын его
Орест, живой, стопой победоносной
Его злодеев головы попраг.
Тогда мы впредь щедрейшею рукою
Его почтим, чем можем чтить теперь.
Я верю, да, я верю – этот сон
Нерадостный не без его веленья
Приснился ей. Но все ж, сестра моя,
В угоду мне, самой себе в угоду
Послушайся меня – всего же боле
Блюдя любовь к дражайшему из смертных,
В обитель душ сошедшему отцу!
Целует сестру. Хрисофемиды Убегает, разбившись во мглу.

Сцена 3

Вихрь. Визги. Крики. Кружится, хохочет Клитемистра, за спиной Электры, будто ищет забытья... Играет – нежится со своей тенью, вдруг опускается среди камней, что-то шепчет.

Клитемистра:

Я решила
С мольбой к владыке Фебу обратиться,

Чтоб отогнать меня объявший страх.
Феб-Покровитель! О, услышь мою
Речь тайную, –
Я тихо буду говорить, – внемли!
Тот вещий сон, что мне сегодня ночью
Приснился дважды, – если он к добру, –
Он зло сулит, пусть для врагов свершится.
Не допусти, чтоб кто-нибудь коварно
Меня лишит державства захотел.
Впредь дай мне жить, как ныне, без урона,
Владеть дворцом и скипетром Атридов,
Вкушая счастья дни среди всегдашних
Друзей моих и с теми из детей.
Чья неприязнь меня не оскорбляет.
Будь, Аполлон Ликейский, благосклонен
К моей мольбе, ко всем, тебя просящим!
Ты – бог, и сам, я думаю, ты знаешь
Все остальное- то, о чем молчу.
Все в мире зрят рожденные от Зевса.

Электра (*прислушиваясь к ее словам, тихо, но твердо*):
Ты отца убила...

Клитемистра (*услышав во тьме голос Электры, со страхом, оборачивается, ежится*):

О, Боги!

*Высоко в светлеющем Небе, утренней звездой восходит
Флейтист – Судьба. Он медленно проходит среди звёзд, среди
камней, словно между осколков разбитой временем детской
мечты, играет что-то. Звучат в перебой голоса и шёпот
Электры и Клитемистры.*

Слезы – воск – слезы – капли.

Электра:

Отца убила ты –
Мыслимо ль признание
Ужаснее
Иль лучше я тебе скажу тебе
Ведь не потребуешь к ответу.
Слушай:

**Отец мой – так сказали мне – гуляя
В лесу богини, шумом ног своих
Спугнул пятнистого Оленя, метким
Его он выстрелом убил – и слово
На радостях кичливое сказал.
За это гневом воспылала дева;
Ахейцев, ждать заставила она,
Пока отец в возмездие за зверя,
Свое дитя ей в дар не принесёт.**

***Вот повод гибели ее; и в Трою
И вспять домой был презражден им путь.
Тогда отец под гнетом принужденья
И после долгой, тягостной борьбы
Заклал ее – не Менелая ради.***

Но пусть права ты; пусть его хотел он
Возвысить. Что же? Неужели смерть
Он от тебя за это заслужил?
Где ты закон такой нашла?
Смотри же!
Являя смертным приговор такой,
Пример расплаты за вину ты явишь.

Клитемистра:

Опять гуляешь ты на воле, вижу.
Что делать! Нет Эгисфа: он один
Тебя обуздывал, чтоб хоть на людях
Ты не позорила семьи родной.
Но нет его, а на меня вниманья
Не обращаешь ты... А все ж ты много
И перед многими коришь меня,
Что царствую надменно, что бесстыдно
Тебя и горе поношу твое.
Надменность мне чужда, тебя ж браню я,
Отведав много бранных слов твоих.
Всегда отец тебе предлогом ссоры,
Что от меня он принял смерть свою.
Да, от меня! Не стану запираться:
Моей рукой его сразила Правда.
И, будь разумна ты, – ты помощь ей
Сочла бы долгом принести. Ведь он,
Тот твой отец, о ком ты вечно плачешь,
Всех эллинов бездушьем превзошел:
Он в дар богам сестру твою зарезал.
Счастливым муж! Ему ее рожденье
Не стоило болезни и трудов,
Как мне, что в муках родила ее.
Так молви же, за что, кого он ради
Ее заклал? Аргивян, скажешь ты?
Откуда ж право их на дочь мою?
Иль Менелаю-брату угождая,
Ему он в жертву кровь мою принес?
По праву ж взыскан он своею кровью!
Скажи сама: ведь двух детей отцом
Был Менелай! Не им ли надлежало
Скорее пасть, коль их отец и мать
Губительной войны причиной стали?

Иль так уж жаждал царь теней Аид
Моих, а не ее детей отведать?
Иль твой отец преступный не умел
Любить моих детей и всю любовь он
Лишь к детям Менелая сохранил?
Отцу ль под стать такое безрассудство!
Так мыслю я, – пускай с тобою розно,
Зато согласно с дочерью убитой.

Электра:

Как будем друг за друга убивать мы –
Тебе по праву первой пасть придется.
Но нет; предлог тот вымышлен тобой.
Не то – скажи, какой отплаты ради
Погрызла в сраме ты таком?
Зачем Ты с кровопийцей-мужем делишь ложе,
С которым раньше ты отца сгубила?
Зачем детей ему рождаешь, – тех же,
Что в ложе чести рождены тобой,
Чужими считаешь? Как за это
Тебя одобрить? Иль и тут ты скажешь,
Что мстишь за дочь? Постыдное признание!
Позор, хотя б и дочери в угоду,
Врага-злодея мужем называть!
Да что! И слова не даешь сказать ты;
Всегда упрек я слышу, что на мать
Я клевету. Меж тем, я госпожой
Скорей, не матерью тебя считаю.
Живу я, как раба; терплю обиды
И от тебя и от него, что другом
Твоим явился. Сын же твой, Орест,
С трудом руки твоей избегший, – в горе
Среди чужих изгнанником живет.
И за него корить меня ты любишь,
Что мстителем тебе его ращу.
Да я сама, коли б могла, отмстила!
Вот речь моя. Зови меня пред всеми
Дурной, бесстыдной, злоречивой, – пусть!
Когда такой воистину я стала, –
Что ж! матери я не срамлю своей.
*Сжимает в ладонях обгоревшую часть кормы своего
«корабля».*

Клименестра:

За дерзость Артемидою клянусь
Поплатишься, когда Эгисф вернется.
Входит Наставник.

Наставник (тихо): Орест скончался!

*Электра кричит, как подбитая птица, теряя свое тело,
падает, как застывшая восковая статуэтка.*

Наставник (*несмело*): Так выполнил я дело. Пойду...

Клименестра (*нервно смеясь*):

Нет, так нельзя: и нас бы ты обидел
Таким уходом, и того, кто в путь
Тебя отправил. Нет, войди в наш дом,
Ее ж оставь на площади: пусть вволю
Себя оплачет и друзей своих.

*Наставник и Клименестра уходят, остаются только
Флейтист и Электра.*

Электра: О, горе мне, несчастной!

Вплетаясь в звук флейты, звучит во тьме ее плач.

Электра:

Вот мать! Не правда ль, в исступленье горя
Безумным воплем огласила стогны
Бедняга, про страдальческую смерть
Родного сына услышав? Так нет же!
Ушла со смехом! Горе, горе мне!
Орест мой милый, всю меня сгубил
Своею смертью. Из души моей
Последнюю надежду вырвал ты
Что день придет, когда грозою ясной
Ты мести грянешь – за отца в могиле
И за меня несчастную. Теперь же
Что делать мне? Одна на свете я,
Без брата, без отца. Опять рабой
Убийц презренных стать! Ужель со мною
Достойно, боги, поступили вы?
Нет, я не в силах под одною кровлей
Жить с ними доле; здесь у входа дома
Лежать хочу я вне семьи, покуда
Вконец я не исчахну. Если ж кто
Из домочадцев вида моего
Не вынесет – пусть смерть мне даст.
Спасибо ему скажу. Обузой стала жизнь:
Нет боле в ней предмета для желанья.

*Из предрассветной мглы, словно первые утренние звёзды,
появляются девушки в белых платьях, украшенные цветами. Это
хор.*

Строфа 1

Хор:

Где ж ты, перун Зевса, и ты,
Яростный луч Солнца? Зачем,

Видя такое,
Спокойно ты терпишь?

Электра:

О, горе мне, горе!

Хор:

К чему эти слезы?

Электра:

Горе!

Хор:

Оставь твои стоны!

Электра:

Пожалей!

Хор:

Как?

Он под землей, знаешь сама;
Если ж ты вновь светоч надежд
В сердце возжешь, станет кругом
Вдвое черней горе!

Антистрофа 1

Хор:

Слушай: был царь Амфиарай;
Златом жены в мрака чертог
Был он отправлен.
Теперь среди мертвых –

Электра:

О горе мне, горе!

Хор:

Он властвует мощно!

Электра:

Горе!

Хор:

Да, горе: убийца -

Электра:

Сражена!

Хор:

Да!

Электра:

Знаю, сразил мститель ее:
Горе отца сын утолил.
Был и у нас мститель такой, –
Взяли его боги!

Строфа 2

Хор:

Ах, жалка жизнь твоя, жалка!
*Входят переодетый Орест и Пилад. В руках Ореста – урна
с прахом – каменная амфора.*

Орест (*к Хору*):

Гражданки, правду ли сказали нам,
И верно ль путь намеченный мы держим?

Хор:

Что хочешь знать ты, и зачем ты здесь?

Орест:

Давно мы ищем, где живет Эгисф.

Хор:

Живет он здесь; пославший не солгал.

Орест:

Вопрос второй: кто известит его
О нашем радостном к нему приходе?

Хор:

Как член семьи властителей – она.

Орест:

Иди же, дева, доложи, что гости
Фокейские царя Эгисфа ждут.

Электра:

Ах, чую горе! не несете ль вы
Той страшной вести явные улики?

Орест:

Твоей не знаю вести; старец Строфий
Мне об Оресте порученье дал.

Электра:

Какое, гость? Дрожу я вся от страха.

Орест:

Умершего мы жалкие останки
В той амфоре, что видишь ты, несем.

Электра:

О смерть моя! Теперь сомненья нет!
Вся пред глазами тяжесть злочлоченья.

Орест:

Коль об Ореста ты скорбишь несчастье,
То знай: в сосуде этом прах его.

Электра (*бросается в ноги Оресту, плачет*):

О мой, мой! Адэмас Ойкрон!
Фэу-фэу, о – дэй нататас...

Сцена 4

Кокон тела

Электра (*обхватив колени, словно уснувшее тельце, плачет*):

О, мой, мой – Адэмас Ойкрон –

А фэу, фэу...

Вздрагивает во мгле

Восковое

Застывшее лоно земное,

Куда на ночлег

Опускается Солнце

И гаснет, испуганный мглой,

Вдохновенного облака

Искрящийся голос.

Электра – рыдая –

Ветром качает

Встревоженных чаек,

Вздыхает волной

Безутешно плача.

Электра:

О жалкий груз дражайшего из смертных,

Ореста прах, души его наследье!

Как обманул надежды ты мои!

Теперь ничто ты, ноша рук пустая,

А из дому цветущим я тебя

Отправила. Зачем от жизни бог

Не отрешил меня пред той минутой,

Когда руками я тебя своими

Похитила и от убийц спасла,

Чтоб был воспитан ты в земле далекой!

Тогда бы смерть ты принял в тот же день

И был бы в отчей схоронен гробнице.

Теперь же вне страны, беглец несчастный,

В земле чужой страдальческой смертью

Погиб вдали ты от сестры своей.

Я не могла заботливой рукой

Тебя омыть в купели погребальной;

Я не могла, как долг велит сестре,

Твой бедный прах из челюстей огня

Всепожирающих принять: чужою

Рукою упокоенный, пришел ты,

В сосуде легком, легкой горсть золы!

О мой призор давнишний, бесполезный!

О неустанность сладостных забот!

Не так ты матери, как мне, был дорог.

О лепет детский! Ведь меня одну
Ты няней звал, меня одну сестрою.
И столько счастья день один унес!
О брат мой милый! Все с собой похитив,
Как вихрь, умчался ты. В гробу отец наш,
В гробу и я, и ты уж сам ничто.
Смеется враг, ликует в исступленье
Мать бессердечная... а сколько раз
Мне вести тайные ты посылал,
Что мести долг над нею ты исполнишь!
Несчастен, горек жребий твой и мой:
Он всю надежду отнял, и тебя
Таким прислал мне – вместо жизни милой,
Лишь пепла горсть и призрачную тень.
О горе,
О жалкий образ, горе,
О путь ужасный, горе,
Ужасен путь твой, брат мой дорогой!
Меня с собою, брат мой, погубил ты.
Прими ж меня в последний твой приют:
И я – ничто. С тобою во гробу я
Хочу лежать. Когда ты видел свет,
Я неотступно мысли все роднила
С тобой, мой брат; так пусть и в смерти нас
Одной могилы осенит покров;
Печали ведь лишь мертвые не знают.

Корифей:

От смертного отца ты рождена,
Электра; смертным был твой брат: смирися!
Нам всем назначен их удел печальный.

Орест:

Что мне сказать? Какой исход в волненье
Найти? Не в силах тайну я сберечь.

Электра:

В чем боль твоя? Что хочешь ты сказать?

Орест:

Электры ль вижу славный образ я?

Электра:

Электры образ? Да – из жалких жалкий!

Орест:

Какой же страшной взыскан я кручиной!

Электра:

Уж не меня ли ты жалеешь, гость?

Орест:

О, бедственно загубленная жизнь!

Электра:

Орест: В меня ты метишь, гость
Электра: Без радости, без брака вянешь ты!
Орест: Что значит взгляд твой, и зачем твой стон?
Электра: И своего же горя я не ведал!
Орест: Откуда ж ныне ты о нем узнал?
Электра: Тебя увидев в горестях ужасных!
Орест: Что знаешь ты о горестях моих?
Электра: Ужели вид твой превзошли они?
Орест: Так знай же: дом с убийцами делю я!
Электра: О, с чьими? Молви! Где источник зла?
Орест: С убийцами отца. Рабой я стала!
Электра: Кто ж волю так насилует твою?
Орест: Ей имя – мать, но нрав не материнский.
Электра: Но чем же? Силой, иль лишений гнетом?
Орест: И силой, и лишеньями, и всем.
Электра: И нет тебе заступника на свете?
Орест: Один лишь был – его ты прах принес!
Электра: Несчастливая! Как жалко мне тебя!
Орест: Один ты пожалел меня доселе.
Электра: Да! Я один такой же болью болен.
Орест: Уж не в родстве ли с нами ты, мой гость?
Электра: Я б рад сказать; но верны ль дев уста?
Орест: Они мне верны; тайны не нарушат.

Коль так, отдай мне урну, все узнаешь.

Электра:

О нет, молю! Не отнимай ее!

Орест:

Дай веру слову! Нет обмана в нем.

Электра:

О, не лишай меня моей отрады!

Орест:

Оставь же урну!

Хочет отобрать каменную амфору у Электры.

Электра:

Милый мой Орест,
И прах твой у меня хотят отнять!

Орест:

Без слов зловещих! Ты скорбеть не вправе.

Электра:

Скорбеть не вправе о погибшем брате?

Орест:

Не след тебе так называть его!

Электра:

Мне, что утечи лишена последней?

Орест:

Не лишена ты; урна не твоя!

Электра:

Но я в ней прах Ореста обнимаю!

Орест:

Да не Ореста! То молва одна.

Забирает каменную амфору

Электра:

Где ж бедному насыпали курган?

Орест:

Нигде. Живым не надобен курган.

Электра:

Что ты сказал?

Орест:

Святую правду, верь.

Электра:

Он жив, мой сокол?

Орест:

Если жив я сам.

Электра:

Ты – ты – Орест?

Орест (*показывая ей свой перстень*):

Печать отца ты знаешь?

Взгляни, проверь, сказал ли правду я!

Электра:

Орест: О день восторга!
Электра: Да, восторга, верю.
Орест: О голос милый!
Электра (*обнимая его*): Ты узнала брата?
Орест: В моих руках?
Электра: В твоих руках навек!
Корифей: Подруги, милые, гражданки-девы,
Здесь, здесь Орест! Уловкой смерть была –
Уловкой той же возвращен он жизни.
Корифей: Да милая! И от прибоя счастья
С очей росится радости слеза.

Строфа

Электра: Пришел, пришел!
О, родная кровь, дорогой мой брат,
Ты пришел, нашел
Ты здесь, ты видишь ту, кого желал!
Орест: Я здесь, но ты храни молчанье, жди!
Электра: Молчанье?
Орест: Так лучше: в доме нас услышать могут!
Электра: Артемидою, вечной девою,
Не боюсь, клянусь, этих в доме жен,
Матери-земли бесполезной ноши!
Орест: Смотри! И жен рукою смерть разит:
Сама ты знаешь – опыт не забыла.
Электра: О лютой скорби песнь!
Ах, напомнил ты незабвенную,
Незаживную рода Атридов рану!
Орест: И это знаю. Пусть настанет час,
И все мы вспомним – всю кручину дома.

*Антистрофа***Электра:**

О каждый час,
Каждый час теперь речь о ней ведет;
Правда так велит.
Теперь, теперь блеснула воля мне!

Орест:

Блеснула, знаю; так храни ж

Электра:

Но как же?

Орест:

Уйми речей до времени поток!

Электра:

Ярким светом ты предо мной стоишь,
Мне ль молчанья мглой омрачить его?
Уж надежда мне больше не светила!

Орест:

Вновь вспыхнула, когда подвигли боги

Электра:

О радость без конца!
Коль сам бог сюда нам тебя послал,
Твой возврат ко мне – диво превыше дива!

Орест:

Мне жаль перечить радости твоей,
Но подчиняться ей сверх меры – страшно.

*Эпод***Электра:**

Столько долгих дней я ждала тебя;
Путь желанный свой совершил ты ныне;
Ты застал меня в горе горестном:
О, не будь жесток!

Орест:

Я, жесток, сестра?

Электра:

Не лишай меня радости моей.

Орест:

И другим того не простил бы я!

Электра:

Так согласен ты?

Орест:

Нет сомнения.

Электра (*к Хору*):

О, подруги мои!

Не надеялась этот голос я
Услыхать хоть раз, – и услышала!
Все же и тогда чрез уста мои
Не прорвался крик неумеренный.

(к Оресту):

Ты со мной теперь, ликом ласковым
Упиваюсь я – этой радости
Не забыть уж мне в самом горьком горе!

Орест:

Теперь оставь речей избыток долгих,
Не говори, как мать тебя терзает,
Ни как Эгисф безумною рукою
Крошит, роняет, по ветру разносит
Отца наследье; за такую речью
Призыв минуты упустили б мы.
Ты ж мне скажи, что мне для дела нужно:
Куда явиться, где нам скрыть себя,
Чтоб смех врагов навеки онемел?

.....

Затем одно. Нам в дом войти придется:
Блюди ж себя, чтоб радости печать
Нас на лице не выдала твоим.
Нет, точно правда весть о том ударе,
Скорби и плачь; а как блеснет удача –
Тогда и смеху волю мы дадим.

Электра:

О брат мой, все, что важным ты считаешь,
И мне закон: ведь от тебя я радость
В дар получила; вся она – твоя.
Я и великой выгоды своей
Не окуплю малейшим огорченьем
Твоим, мой милый; недостойной службой
То было б богу, что возносит нас.
Дела же наши сам ты знаешь; слышал,
Что нет Эгисфа во дворце, что дома
Лишь мать одна; она же не увидит
Улыбки счастья на устах моих.
Живуч старинной ненависти след;
К тому же слезы – радостные, правда –
С того мгновенья, как открылся ты,
С очей моих струятся неустанно,
И как им не струиться! Ведь в одном
Пришествии предстал ты предо мною
И мертвым и живым. Такое чудо
Ты совершил, что если бы отец
К нам вдруг явился – я б не удивилась,

Не отказала бы глазам в доверье!
И вот ты здесь, желанный кончен путь –
Отныне ты мне повелитель. Я же,
Будь я одна, один венец из двух
Стяжала бы: я или благородно
Спасла б себя, иль благородно пала б.

Орест и Пилад уходят. Через несколько минут из тьмы слышится предсмертный крик Клитемestры. Электра падает среди камней, будто подбитая птица.

Одиноким минорным молчанием
Вздыхает скала...

Входят Орест, Пилад и Наставник.

Вносят покрытое саваном, тело Клитемestры. Под восходящим Солнцем одиноко горит свеча. Звучит Флейта, будто Судьба.

В наступившей предрассветной мгле слышится пульс Времени.

* Примечание: В тексте дана фонетическая транскрипция некоторых реплик, звучащих на древнегреческом языке.

Гудьба по Скорине

«Гудьба по Скорине»

(Requiem)
(вольная фантазия)
(сценарий спектакля)

Действующие лица:

Странник (Скорина)
1-ый Странник
2-ой Странник
3-ий Странник
Женщина
Ребенок
Юродивая
Филины
Девуца

Песня 1

Лес. Буря. Звучание цимбал. Трое в белом молчат у огня.

Странник:

Расплескалась
Багровая ель чистым золотом,
И смолкли,
Угасли ясные струны гуслей,
Трава всколыхнулась,
Ей низким печальным поклоном
Вздохнула река...

1-ый Странник:

Поперёк тьмы идёт кто-то...

2-ой Странник:

Поёт песню...

Странник:

На другом берегу
Жгли костры
И смотрели,
Как дым
Поднимается вверх,
Превращается в белое облако,
Тает
В лучах заходящего Солнца,
Оранжевым звуком цимбал
Обнимая высокие
Сосны...

3-ий Странник:

Куда ты спешишь в такой дождь?

Странник (*Подходит к троим. Кланяется в пояс*):

Разве сыро?

Садится к огню

2-ой Странник: Ты вымок насквозь...

3-ий Странник: Что торопит тебя?

В темноте из-за деревьев выглядывает косуля.

Странник:

Я должен вернуться... к Рассвету...

Но чтобы вы, поняли... это...

Вот – гусли... Я песни пою...

Перебирая прозрачные струны дождя, начинает играть.

«Повелел есми Псалтырю тиснута рускими словами, а словенским языком... К пожитку посполитого доброга на болей тое причины, иже мя милостивый Бог с того языка на свет пустил».

«Солнце потемнело и страх был великий на земле Русской...».

«А всего того могло быти полтори години, а потом темность одышла прочь».

(Из Полоцкой летописи).

Странник: «Понеже от прирождения звери, ходящие в пустыни, знать ямы своя, птицы, летающие по воздуху, ведають гнезды своя, рыбы, плавающие по морю и в реках, чують Випры своя. Пчелы и тым подобная боронять Ульев своих, тако ж и люди, и где зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають...»

Широко распластав в Небе крылья, над лесом восходит Луна Солнечная.

2-ой Странник: Ты Поэт?

Странник: Я... Странник (*Поклонившись троим, исчезает в лесной чаще. Косуля убегает за ним*).

3-ий Странник: Но как твое имя?

Луна Солнечная (*вслед*): СКА – АРЫ – ИНА – А!...

1-ый Странник: Возьми светляков на Дорогу...

1-ый Странник, 2-ой Странник и 3-ий Странник уходят за Странником, разбрасывая на своем пути светляков.

Песня 2. Пробуждение

«Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь, люта, как преисподняя, ревность, стрелы ее – стрелы огненные, она –

пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее...».

Маленькая хижина на краю света с окном, обращенным к Востоку. Утренние лучи выхватывают из темноты предметы, наполняя их цветом, формой, запахом... Кувшин с водой, пестротканые нити, холсты и полотна с узорными вышивками, руки Женщины, низко склонившейся над изголовьем колыбели, где тихо спит Ребенок, крохотного Карлика, то и дело снующего из угла в угол.

Женщина:

Где же, где же,
Свят, Свят,
Ясный Солнца
Свет, Свет?
Окна и двери
Распахнуты с ноченьки,
Лица умыты,
И волосы убраны
В косы уложены,
Рученьки подняты.
Сердцем тревожливо
Весть ожидаючи
Песню свевают
Из шелка дождливого,
Шелка холодного.
Так ли не маялись,
Так не печалились,
Ноченькой лютой
Зимы сиротливое
Младо не байкали?
Где же ты, Ясное,
Светом одетое,
Миром воспетое,
Ликом холодное,
Жаркое,
Кроткое,
Красное?

Женщина окропляет водой спящего младенца, чертит в воздухе крест. Входит Странник. Карлик мигом выпрыгивает в окно.

Странник: Он еще спит?

Женщина: С тех пор, как ты уехал, я не вдевала нить в иглу...

Странник: И все-таки Солнце восходит... Значит, он должен сегодня проснуться...

В окно заглядывает Карлик, опрокидывает кувшин с водой, убегает.

Женщина: Последняя вода... (собирает осколки). Я понимаю, это невозможно... но с тех пор, как ты уехал, я перестала верить в свои песни и, мне кажется,... они потеряли силу...

Издалека тихо звучит 17 соната Л. В. Бетховена. На белых конях проносятся Моцарт и Бетховен.

Бетховен: Varum ist jere liebe dus dem selen schmerz? ¹

Моцарт: Mein freund, es gibt Keinen sehmens ohne liebe! ²

Женщина (*бросаясь к раскрытому окну, кричит*): У меня пропал слух! Я не помню свое лицо... голос... Если проснется Ребенок... (*Страннику*): Скажи, я очень... изменилась? Здесь... нет... зеркала...

Странник стягивает ее плечи, руки, грудь тонким белоснежным полотном. В ярком свете теряются контуры тел. Обнажаются Лики.

Странник: Ты... проводи меня...

Перед распахнутым настежь окном остается одна Женщина. Долго вглядывается она в чистоту горизонта, откуда все еще слышна песня Странника. Невозможно понять, смеется она или плачет.

Голос Странника:

Там,
Где синие пальмы
Под Солнцем
Звенят бубенцами,
Крест – накрест
По белому шелку травы
Вышивает цыганка
Подкову...

Женщина опускается на колени, разворачивает полотно, делает первый стежок.

(поет)
Маков цвет,
Маков цвет,
В озере
Не тони
Темном.
Там,
На дне,
Злые упыри
Схоронят в песке
Ровном.

¹ Почему всякая любовь восходит из боли?

² Мой друг, нет боли без любви!

А плыви
По ручейку
Серебристому,
К морю чистому,
Далекому,
Искристому.
В колыбели вскрикивает Ребенок.

Песня 3

«Воззри, господи, на бедствие моё, ибо враг возвеличился!..

Отдал Господь меня в руки, из которых не могу подняться.

Всех сильных моих Господь низложил среди меня, созвал против меня собрание, чтобы истребить юношей моих...

Далеко от меня Утешитель, который оживил бы мою душу...
Зову друзей моих, но они обманули меня... И удалился мир от души моей, я забыл о благоденствии, и сказал я: погибла сила моя и надежда моя на Господа...»

На ручей опустились три Странника.

1-ый Странник: Я всё время слышу его голос, но не вижу его.

2-ой Странник: Может быть, он сбился с пути?

Мимо проплыла Золотая Форель.

3-ий Странник:

Все круги замыкаются здесь...

Жизнь и Смерть, повстречавшись на миг,

Обмениваются обручальными кольцами,

И разлетаются в разные стороны,

Продолжая свой Путь в Бесконечности...

1-ый Странник:

Господи...

Время лишает нас памяти...

Всякая надежда увидеть друг друга

Гаснет с первым утренним лучом Солнца...

Мы не в силах запомнить своих очертаний,

И даже прикосновение,

Последняя вспышка света,

Которую нам дарит Любовь,

Не избавляет от смерти...

2-ой Странник:

Господи, Господи,

Зачем ты его отпустил?

Трое теряются в облаках. Высоко из Поднебесья доносится курлыканье журавлиной стаи.

Форель:

Снег
Не останется
В сердце.
Растает.
Алой
Зарёю
Взойдёт
Тишина.
И расцветёт
Журавлиной
Печалью
Первая
Шалость
Подснежника.

Ветер уносит вдаль по ручью несколько разноцветных перьев.

Песня 4. Звуки Варгана

«Изгибе Солнце и сокры лучи своя от земли... И видели две звезде в той же час на заход от Солнца: одна бела, а другая черлена».

Пролетели два Филина.

1-ый Филин:

Морк-морк-морк.

2-ой Филин:

Улю-лю,
Улю-лю.
Прошёл Кот Черный,
За ним Кот Белый,
За ними Рыжий Кот.
Девушка по воду
Вниз с горы
Спустилась.
А выглянет Месяц –
То ли Девушка,
То ли Старуха, –
Горбом коромысло
Кренится...
Девушка к Колодцу
Воды зачерпнуть –
В бездну тёмную
Глядь – поглядь,
А на дне

Звёзды плещутся...
Слепой Филин
Из звёзд
Сети млечные вяжет.

1-ый Филин:

Тяну-тяну-тяну
Рана-рана-рана
Ка-ану

Девница:

Там-нам-сам
Там-нам-сам
*Воду чёрную пьёт,
А напиток не может.
Ковшом Серебряным
Черпает,
Но не вычерпает.*

1-ый Филин:

Буди-буди-буди
в груди-грудь-грудь
гу-уди.

Девница:

Там-нам-сам
Там-нам-сам.
*Вдруг и выплыло
Журавлиное
Птичье перышко.
Вдрогни, душенька,
Птичье крылышко
Показалось...
И прошел Кот Черный,
За ним Кот Белый,
За ними Рыжий Кот.*

Девница (крестится):

кай-кай-цунь
кай-кай-чунь
кай-кай-цань

1-ый Филин:

морк-морк-морк

2-ой Филин (со дна):

А ребеночек-то мертвый...
Девница в омут –
Брык!
Следом старуха –
Прыг!
Обе сгнули.
Только перышко

На сырой воле
Покачнулося.

1-ый Филин (вслед):

морк-морк-морк

2-ой Филин:

улю-лю

улю-лю

В тишине всплеск Звезды.

Из тьмы появляется Странник. Прислушивается к странной тишине. Кто-то рядом с ним шепчет:

...mortal ¹... muerte... mortal...

О, нет! Неет!..

Юродивая идет босиком по траве, бросает семена в озябшую темную землю. Первые семена будущих маков.

Странник: mortal?... (смеется, шепчет) Моцарт... Божественный...

Циркуль... Жасмин... кассация... ²

Мимо пролетает Филин.

Филин: Морк-морк-морк...

Юродивая со страхом прижимается к Страннику.

Странник:

Не бойся этой странной птицы...

Когда взойдет Солнце...

Родится первый крик радости...

Ты вспомнишь свое имя...

Кто постиг радость,

Постигнет и Свет...

Постигший свет, постигает – Слово...

У горизонта рождается слово...

Линия переходит вкруг,

Молчанье в Музыку...

Берет гусли, поет.

Странник:

И сыпался пух журавлиный на плечи,

И головы их преклоненные

Были осыпаны пухом,

И не оставалось нигде рядом с ними

Ни одного журавля...

И не могли они к Небу

Поднять свои лица

И глаз своих вверх обратить,

Потому что сердца их

Лишены были Пения

А уши – Слуха...

¹ Mortal – смерть (нем.)

² строки из стиха Г. Айги

И так стояли они долго
И неподвижно.
И не могли
Покаяться...

*Юродивая заворожено смотрит в открытое темное Небо.
Высоко по Млечному Пути поднимается Моцарт. Справа
восходит звезда Белая, за ней – «черлена»...*

Странник:

В центре круга
Последняя Вечность
Касания...
*Ступает навстречу Моцарту.
Кассация... Музыка... Солнце.
И проходит Кот Черный,
За ним Кот Белый,
За ними – Рыжий Кот.*

Песня 5.

Дом, где жила Женщина.

*У раскрытого окна стоит Ребенок. Ветер разбрасывает
по подоконнику желтые сухие листья, смятые травы, цветы...
Осень. Мальчик внимательно разглядывает узорные знаки
бесчисленных вышивок.*

Голос Женщины:

И плыли они по широкому морю на лодках,
Сверкая в ночи факелами,
И Путь свой сверяли по Звездам,
А утром
Подул сильный ветер,
Осыпались Звезды,
И Небо
Сравнялось с водой,
И не стало ни Солнца, ни Звезд,
И погасли огни в этом ветре.
И сердцем взмолились они, обращаясь
Ко всем морским тварям
И Рыбам,
И Птицам Небесным,
Кто мог бы им Путь указать.
И услышали стоны их
Твари морские,
И Рыбы,
И Птицы Небесные,
И отдали им

Свою Веру,
И Силу,
И Крылья,
Чтобы смогли они,
Как по Воде,
Так и по Воздуху
К Берегу
Выйти.

Ребёнок внимательно прислушивается к её грустному голосу, звучащему тихим осенним светом в золотой тишине, будто отражение опустившегося на дно Солнца.

Ребёнок:

Мама, откуда здесь птицы?
Ведь осень давно...

Женщина:

Спи, ты один. Здесь нет никого.

Ребёнок:

Мама, откуда здесь пчёлы?
Ведь осень давно...

Женщина:

Спи, ты один. Здесь нет никого.

Ребёнок:

Мама, откуда здесь ты?
Ведь осень давно...

Женщина:

Спи, ты один. Здесь нет никого.

Ребёнок:

Сплю. Рябина в окне светится.

OM

ОМ (поэтическая фантазия)

Ом пурнам адах пурнам идам
Пурнат пурнам удаच्याте
Пурнаस्या пурнам адая
Пурнам эвавашишьяте ¹

То, что Солнце, и то, что рвалось из груди,
выстукивая равномерно, по капле, –
асимметричное телу дождя на оконном стекле,
походящее на рифму, на плач, на курлыкание, –
То, что Солнце, и то, что рвалось из груди,
пронзенное светом симметрии человеческого тела и слуха,
распадающееся на множество линий, зигзагов,
правильных и неправильных форм, фигур:
треугольников, ромбов, квадратов,
вычерчено одним долгим звуком –
ОМ!

Будто бросили мяч,
Проскользнула в окне птица,
И тут же растаяла.
Обратилась
В один из орнаментов тусклого Солнца.
Он не мог её не увидеть,
Не мог не почувствовать
Мгновенного превращения своего слуха,
Головокружительной паузы
В ритме сбегающих капель...
И он на миг задержал дыхание...
Звон стоял во всю ширину окна.
Храм вырос из параллели
Его сознания и Вертикали –
Везде.
Кругом.
В любом уголке Времени.
Одним крылом
Он прикасался к Небу.

¹ Индийские мантры (молитвы): Личность Бога совершенна и обладает законченной полнотой, и так как Он полностью совершенен, все эманации, исходящие из Него, как и этот феноменальный мир полностью наделены всем необходимым, как полное целое. Все, что сотворено полным целым также обладает полнотой само по себе. Так, как Он является полным целым, то даже после такого множества эманаций, изошедших из Него, Он сохраняет полное равновесие.

Другим –
Прорастал где-то в новом стволе
Уходящей в небытие вербы,
И над ним
В желто-зеленых сумерках
Чехардой кувыркались русалки.
Звон стоял во всю ширину окна.
Лениво поднялся туман с утомленного луга,
Распался на восемь частей
И поползли по Небу,
Растрепанные и опьяненные
Запахом скошенных трав
И пожелтевших звезд,
Облака бирюзовые,
Красные,
Фиолетовые...
Заглянешь в ту пору
В глаза стройной панночки
И пошатнешься – где взять,
Точь-в-точь русалка...
И некуда.
Тянет ручонки свои тонюсенькие,
Словно дитя малое,
Смехом заносится,
Ластится,
Лепечет,
Не разберешь, –
Больно ли,
Шкоднo ли, –
Весело,
Да и пропади
Пропадом!
Только Коровы
И Овцы брюхатые
Блеют
Лениво вослед,
Вымя
Свои перезрелые
Прячут
От игр да забав,
Ноздрями
Осеннюю хмарь
Чуют.
Долго
Еще заплетать свои косы дивчинкам,
Долго

В избе почивать,
Прежде, чем выйти весной в хоровод
Лепестки обрывать,
Люб-нелюб
Загадывать.
Солнце услышит –
Кольнет за сердце –
Привелось,
Значит...

Хиранмайена патрена
Сатьясьяпихитам мукхам
Тат твам пушанн апаврину
Сатя-дхармая дриштайе ¹

3

Почти восемь до того, как наступить утру.
Вода кончилась. Храм нечем вымыть.
Девочка бросала в серую стену желтый комочек,
Яркий теннисный мяч.
Рядом плакал ребенок,
— Кто ты? Кто ты?
Покажи мяч!
Открой личико!
— Скок-скок!
Хлоп-хлоп!
Вода кончилась. Храм нечем вымыть,
— Здравствуйте, где я? – узким лучом подобралось утро,
— Дзин-дзин!
— Дон-дон!
— Больно!
— Вольно!
— Вон – кровь... –
Запели, заголосили на все лады,
Заиграли, зацвели колокольни,
Золотом куполов расплылись в воздухе.
Сегодня день моего рождения!
— Дзин-дзин!
— Дон-дон!
Отстучав пятьдесят, стихли...
Дверь,

¹ Мантра: О, мой Господь, – хранитель всего живущего! Твое истинное лицо скрыто Твоей ослепляющей лучезарностью. Пожалуйста, удали этот покров, и покажи Себя Своему чистому преданному.

Разрешите воззвать к вашей памяти,
Хранящей в восьми кольцах молчания
старого дерева
вздохи и шепоты,
стоны и поцелуи, –
что там, под коркой вашего слуха,
теплится, тоньше льна?..

Вода кончилась. Храм нечем вымыть.

87654321

7654321

654321

54321

4321

321

21

1

4

Матисс танцевал джаз
на восьми из-за такта
разбросанных яблоках.

— Главное – впустить в себя Время, а дальше смыкать ритм так,
как хочется, во всех направлениях, в любом из пространств...

Влюбиться в горизонт – это значит всецело отдать поглотить
себя

Огню и Небу, безжалостно уничтожающим в порыве своей
божественной нежности каждую шалость,
каждый, посланный вверх, птицам,
воздушный поцелуй...

Не догнать, а удрать от красного зарева, запрыгнуть на дерево
и наблюдать, как твой след не песке наполняется цветом

тяжело пышущего за тобой по пятам

огромного любопытного Солнца...

Приворожить Время синкопой!

Матисс танцевал джаз

на восьми из-за такта

разбросанных яблоках

в Гефсиманском Саду...

...в Древней Греции...

5

Желтизна наступившей осени, кошки, козы, четные числа,

совы, –

всё сплеталось в одну непрерывную вязь Океана,

который, становясь звуком, снова превращался в ручей,
откуда всходило унылое Солнце бабьего лета.
Алым бархатом звучало контральто белокрылых чаек,
когда они, одна за другой, пересекали горизонт,
оставляя позади себя землю,
позади и где-то внизу, где темно,
куда не дотянуться слухом...
Убаюканный Космос рождает новый месяц.
Октябрь.
Кто-то очерчивал круг колыбельной, спасаясь от ветра...
Чайки вились вокруг его ног,
поднимались все выше, пока, наконец, прищурившись,
он не догнал их взглядом,
не остановил,
превратив в звук...
— в лес по грибы ребяшня собиралась...
в лес по грибы... —
доносилось бессмысленное зигзагообразное жужжание пчелы,
Воронка «восьми» дитя лабиринта,
пчела не знает, о чем поет ветер,
когда колышет ей крылья...
Звучание в полнеба, все остальное — слух...
И молчание — когда есть вера,
Октябрь.

— Прогони коз... так и остались брошенные,
недоенные,
посреди луга, посреди лета, посреди сердца...
— Спи. У тебя жар.
Родится октябрь — все сбудется.
— Сплю... Рябина в окне светится...

— Раз, два, три, четыре, пять! –
Я иду тебя искать!
Научившись считать до семи,
закрываешь ладонью глаза,
и только ощупью, случайно,
как бы во сне, находишь тонкие стены
старого дома,
где свили свои гнезда вороны...
Стучишь осторожно.
Желторотый птенец вывалился из гнезда.
Если бы ты был дельфином,
ты бы вознес его к звездам...
Кто научил тебя плакать?
Если бы ты был дельфином,
Ты бы сумел
Улыбнуться...

— Чур не я! Чур не я!
Ты припадаешь к стеклу, которое не в силах разбить,
Ты преклоняешь голову перед прочностью камня,
В который замуровано твое тело...
Ты счастлив, оттого, что слаб,
А еще оттого, что за окном сильный ветер,
И ты снова сегодня
Не сможешь уснуть...

Разве я – это ты?
— Когда ты впервые задал себе этот вопрос?
— Когда посмотрел в зеркало,
и испугавшись своего отражения,
выронил из рук кисть.
— И я там был, и пиво пил,
По усам текло,
А в рот не попало.
— Мне это читала в детстве мать...
— Почему ты не помнишь ее лица?

Если вокруг воет ветер, и ты тянешься, испуганный,
к самому слабому на свете цветку, прося у него защиты,
кто посмеет причинить тебе зло?

Ягуар знал то, чего не знает никто, что не знал ты.
Узкой тропой ты пробирался к самому его сердцу.
Ты был похож на дикого зверя,
Когда босой уносился в ночь...
Вслед тебе гоготали утки,
Хлопая по воде крыльями.
Ты еще мог возвратиться,
— Но ты не откликнулся...
Ягуар подхватил тебя где-то у самой последней звезды
И отдал свое сердце.
Ты был тогда совсем маленьким...

— Чик-чирик!
Воробей поскользнулся о первую каплю, —
Отчего так горька на рассвете вода?
Отчего?
Отчего?

В детстве тебя окунали в море,
Чтобы не было боли и хвори.
Старая бабка стояла посреди арбузного поля
И глазела на звезды.
Кто знает,
О чем она пела...

Утром ты умер. Твое тело сожгли на костре.
Превращаясь в стебель цветка,
Оно вздрагивало и вытягивалось

От каждого прикосновения Солнца,
 Переходило в бесконечную Вертикаль,
 Когда луч становился звуком,
 Подкатывал к горлу,
 И ты,
 Задыхаясь от ветра,
 Не мог даже плакать...

— Мама, откуда здесь птицы?
 Ведь осень давно...
 — Спи, Ты один. Здесь нет никого.
 — Мама, откуда здесь пчелы?
 Ведь осень давно...
 — Спи. Ты один. Здесь нет никого,
 — Мама, откуда здесь ты?
 Ведь осень давно...
 — Спи. Ты один. Здесь нет никого.

Пушанн экарше яма сурь праджапатья
 Вюха рашмин самуха теджо
 Ятте рупам кальянататам тат те пашнями
 Йо сав асау пуршах со хам асми ¹

7

Было так,
 Что все звезды сгорали,
 Одна за другой,
 Только ты
 Оставался один
 в равновесии и покое.
 Ты стоял и смотрел.
 Задрал голову вверх,
 Как все звезды сгорали...
 Ты являлся тайной причиной,
 Центром этого коловращения,

¹ Мантра: О, мой Гоподь, о первоначальный философ, поддерживающий Вселенную, о регулирующий принцип, конечная цель боголюбивых людей, доброжелатель прародителей человечества! Пожалуйста, удали Твои блестящие трансцендентальные лучи, чтобы я смог увидеть Твою, полную блаженства форму. Есть вечная Высшая Личность Божества, подобная Солнцу, Как и я.

Благодаря некоторой своей незащищенности,
Шаткости,
Особенности своего положения
Вне какого бы то не было
Из пространств.
Ты стоял и смотрел,
Здрав голову вверх
Ты управлял
Передвижением
Всех плоскостей,
Ограниченных инерцией
Квадрата
Собственной формы
И неограниченных
Проникновением
Твоего взгляда
В них.
Ты стоял и смотрел,
Здрав голову вверх...
Ты вращал механизм
Малахитовой Шкатулки...

Скрябин выбросил прочь бесполезную связку ключей.
— Никто не может открыть того, что исчерпано Временем!
Каждое утро меняется расположение звезд на Небосклоне,
Каждую ночь распадаются, исчезая в Небытие,
стены выстроенных за день египетских пирамид.
Никто не может нарушить симметрии хаоса! –
Скрябин выбросил прочь бесполезную связку ключей...
Если держать замок в левой руке, а ключ – в правой,
а затем за спиной поменять их местами,
расстояние, результат не изменится...
Человек придумал число, чтобы появились
Фокусники и иллюзионисты,
выдающие себя за настоящих мастеровых
малахитовой Шкатулки.
Они открывали множество дверц и зеркал,
Отражались поочередно
Во всех цветах радуги,
Но ... разве взошли на снегу
Хризантемы? –
Скрябин выбросил прочь бесполезную связку ключей...
Так все звезды сгорали,

Одна за другой,
только ты
оставался один
в равновесии и покое,
ты стоял и смотрел,
задрал голову вверх...
«Corona astralis»¹ – , пробормотал кто-то.

По реке плыли плоты.
На плотях стояли люди,
Не имеющие ничего,
Кроме посоха,
Слуха
И Зрения...
Огромные,
Полные любви,
Человечьи Глаза
Плыли вниз по реке.
Глаза завораживали.
Отражали.
Плывущих высоко в Небе
Людей на плотях
С зажженными факелами.
Семь звезд,
Семь планет.
Семь осенних колец,
Брошенных на воду...
Одинокий звон колокола
С дальнего берега,
Чью-то песню...
Это была музыка Скрябина.
Это было то,
Чем должна была стать
Музыка Скрябина.
Впереди
Открывался простор
Тихого Океана.

¹ Corona astralis – Звёздный венок

Оторванное от Неба
трепещет пламя свечей.
Тик-так
 тают
 в руках капли слов.
Стемнело – и –
 тихо-тихо
сверчков вальсы.

Запах верб,
 вернувших мне
Небо, цветение
снега – и – сердце
твое...
2000 – 2001, Минск

Трель за трелью
сердце, крылья
трепещут –
издалека...
Послушайте,

 птицы,
как хочется превратиться
и – унести –
 следом, ввысь,
туда, где белое-белое...

Ты уходишь с моей ладони

В радугу упираясь
 голыми
 пятками,
Стягиваю на шее
 петлю
Нежности.

Выкорчевали
с корнями
волосы.

Шторм (молитва)

– 1 –

Бездонная Лазурь!
Позволь –
Прижаться хоть на миг
Губами к Ветру –

– 2 –

Там,
Возле Детскости своей,
напьюсь,
Не пригубив веселой
Прозрачности ручья,
Ребячливости льнущей
Куда-то вверх, от Солнца,
Прячущего в тень
Твоей улыбки
Ночь...

– 3 –

— В погребении
разрушенных скал,
В ущелье молчащего эха –
песок звуком флейты
скользящего Времени волн
вырывает Мольбу
И Любовь...

– 4 –

Вскрикнув над скалами,
Медленно верится –
Солнце желанное.
Выблеснет пеной
Трезвучие гортанное
Ветра, Воды и Огня!

– 5 –

У горизонта распластавшись
Солнце!
Прими в объятия Ветра
поцелуй печали, снег твоей надежды,
длиннее упования моего
на Свет...

Балтийское море

I. Янтарный крест

У Берегов,
крещенных
лезвием Любви
найду Вселенский
Самоцвет Певучести
и Нежности окрашенной
в иное, чем ярко-алый
всплеск восторга...

II. В дюнах. (Терпение)

Но радость?
Чьи вырастив
крылья
Упасть
не разбившись
в травы
молчаливое утро,
дыханием
заново
звездные дали –
обжечь,
засветлиться
разбрызганной
по ветру ширью...
..... –
В молитву
вкропленное
Солнце
устами сберечь!

Батуми

Ты помнишь еще
 как хотелось увидеть
 Лимонную Птицу?..
 И ты –
 рисовала мелками
 на выжженном Солнцем
 асфальте
 Огромные Белые Крылья...
 Это было давно.
 В душном городе...

Осенние иконы

I. Эхо рассвета

Усталый ком земли: – Как вытвердить
 Вечностью
 нежность?
 Шершавый шаг Дождя: – Устав Любить –
 Иссохни!

II. Печаль облегчения

Последнее Солнце;
 прищурившись:
 Больно –
 Смотреть на Луну!..
 — Понимаю. –
 рождение Белого Ветра.

*....брожу в Саду,
 где раньше пели Птицы...*

Влюбленный в осень дождь...
 созвездия рябин...
 кричащих поутру; отяжелевших спин
 Немой восторг
 И – нежность –
 потупленных берез,
 прощенных ветром,

Сквозь всплеск
Улыбки листьев
потрясенных
дрожь...

Вопль

Опять в погребении –
Разрушенных скал –
В ущелье кричащего эха –
Песок –
Звучом флейты –
Скользящего
времени волн
– Вырывает мольбу
И – Любовь.

Молодой кипарис
Переполненный радостью
Тихо поет...
Легкий ветер.

Звездный дождь –
По ореховым струнам –
Стучит –
Разбивая
древесную сущность. –
Начало молчания –
Вслух.

Мертвую Чайку
волной относило
в Заветную гавань,
Туда,
где Второй Горизонт.

*сизу под сосной,
глядя в море.*

Белый Лотос
В груди распустился
Так нежен и чист,
Горизонт.

До Жизни и Смерти
Нет дела тебе, Белокрылая Чайка,
Влюбленная в горизонт.

Смола на стволе

Объятые Солнцем
Гибкое тело сосны,
Как не заплакать?

Там, где
 синие пальмы
 под Солнцем
 звонят бубенцами, –
крест-накрест
 по белому шелку травы
вышивает
 цыганка
 подкову.

Песня-заговор:

I

Маков цвет,
 Маков цвет
В озере не тони.
В озере не тони –
 Темном.

Там, на дне,
Злые упыри –
Схоронят в песке –
Ровном.

А плыви по ручейку –
Серебристому.

К морю –
синему, –
далекому, –
искристому...

II

Багровая ель расплескалась
последним золотом...
И – смолкли, угасли –
ясные струны
гуслей –
Трава всколыхнулась...
Коротким и низким
печальным поклоном
вздохнула река.

III

На другом берегу жгли костры
и смотрели,
Как дым поднимается вверх,
превращается в облако, тает
в лучах заходящего Солнца,
оранжевым звуком цимбал,
обнимая высокие сосны.

Весенний снег
незаметен –
отблеск картины...
отблеск земли,
далекой,
как море,
зелени...

Из воска –
 Величина –
 снега – внезапно:
упавшего словом...
И – верь – не верь...
 В Небо – в него –
 – как – в омут...
И – вот – снова –
ветер... –
 весна...

Просто так
 высоко
 стволы замкнув
над озером
 ивы плачут.

Грезы

Перья роняя
 птицы
 в уборе
Из брызг белых
 плетут
кружево звезд
 на моем стекле.

За проседью Солнца –
 белеет
 страна кипарисов –
веселье
 Весны –
 Древней,
как море –
 зелени...

Просто – свет

Снег
 весны свет.
Крупные капли
 Неба
 на земле...
Исчезло облако.

Сирень.
 Светлые пятна...
 Скоро сумерки...

Под скорлупой Неба
 все мы
 будто
черным – по белому...
 дети...

Заговор сердца весны –
 без цветов –
 бездна, –
 покрытая льдом...
 март.

Стихи Франека (сына)

Ни ромашек
в саду, ни пионов –
Наступила пора скорпионов.
Краснодар. 30 июня 2001г.

Когда-то были деревья,
И плыли корабли по морю...
И были там как маленькие красные точки...
Случилось какое-то землетрясение
Летали разные страхи...
Болтались горы...
Всё было разрушено
И Неба даже не было...

Это случилось сегодня у нас в Краснодаре.
Было ужасное землетрясение,
И качались деревья...
И потом выросли какие-то буквы.
И были у них глаза...
И они были добрые...

Когда-то были такие давние кубышки...
И вот они пошли гулять в лес.
И в них посадили цветы.
Гердили-кулини
Пуника пипима!
И вот пошли эти кубышки в лес,
И посадили в них цветы –
И выросло Солнце.

Дождь

Капает дождь.

Кап, кап.

Как слёзы бога.

8 августа 2002 г., Краснодар

Луна

Луна красивая,

Луна игривая,

Со звёздами

Купается в глубокой вышине.

И бледный её луч

Над чистыми заливами,

Как светлый зайчик,

Прячется в распахнутом окне.

2002 г., Краснодар

Первый снег

Выпал снег, красивый снег,

Начались морозы.

Светит яркая звезда,

С глаз упали слёзы.

2002 г., Краснодар

Новый Год

Падают снежинки,

Быстро как крапинки.

Падают снежинки,

Встречая Новый Год.

Новогодний вечер,

Красив, ярк, освечен,

И все деревья

Серебром горят.

2002 г., Краснодар

Дым от костра поднимается к звездам

Сжигаю последнее лето.
Тяжел отрезвляющий
воздух рассвета.
как медленный взгляд
вдоль ручья...

В зеркале ночи
кружево звезд
отражается.

Яблоко (жертвоприношение)

Перерезает воздух
стук колес
дрожь оставляет
в звездах –
горечь лета –
сожженный август
катится к ногам.

Лунная дорожка. Лунный свет на цветке клевера

Ресницы опускает ночь
В недоумении
Глаз павлиний
Щурится...

Апельсины без слез

Оранжевую боль
зажму в ладонь.
Сухое лето...
Август.

Слепое солнце

Сквозь дождь –
Цветок –
полуденного жара –
вдруг вспыхнет –
радугой.

(Зерна) августовские натюрморты

Украденное детство.
Сухой подсолнух
пуст.

Запахи

Разлейся
листва.
Зеленый Дождь.
Трава в Воздухе.

Высохшие деревья.
Усталый взгляд.
Сыро.
Сиротно...

Орех

Темнота
Съеденной
Капусты.
Вылуценная
слабость.

Мрак –
страх
ослепнуть.

Одуванчики,
разбросанные
по Небу.
Бесцветный день.

Зеленые береты –
День Пограничника.

Зеленый луг
Нераспустившихся
Солнц.

Киров

Отяжелевшее Небо.
Бремя во Времени.

Небо зажмурилось.
Дождь.

Осенью – Батуми

На мокром песке
Я выстрою Храм.
Лимонная Птица
там
будет листать
пожелтевшие сны
уставшего лета
для догорающих звезд.

В Мандариновой Чаще
Лимонную птицу
Зовут
Светом.

Жемчужина моря (Батуми)

На дне
морских Раковин –
где догорает Белое Солнце, –
Лимонные Птицы
поют
колыбельную
песню
Весне.

Чайки
розовой
нитью
сна
в Небе
вышили
Гладиолус.
Знак Восхода.

Девочка
выпускала
изо рта
кольцо
табачного
дыма
на обгорелый
фа –
Сад
Старого Дома,
Отогревала Стены...
Возвращение.

Над озером
цвела
черемуха.
Летняя жажда.
Зеленоград

Серая
кошка
на
Палубе...
Дымка...
Ярославль

У пожарной
ограды
расцвели
яблони.
Жарко.
Ярославль

Снег
С изюминкой...
Мороженое.
Ярославль

Белые
извержения
Фонтанов.
Ярославль

Морская звезда. –
Полярная звезда.
Путешествие во Времени.
Зеленоград

Вишневый
цвет
Москвы.

Гипсовый
Олень
на горячем
асфальте
Летнего
Сада.
Москва.

Зеленоград

Белая
чешуя
одуванчиков
Зеленоград

В подорожнике
Крылья
Шелеста –
Листья.

Зеленоград

В лесу

Из птичьих
голосов
распускались
ландыши.

Поляна

В соснах скрипели вороны.
Просыпавшийся между крон Солнечный луч
испуганно обвел зеленым циркулем взгляда
песочный круг Благовестия, –
скрылся в траве.

Зеленоград

Разноцветный
перезвон
бубенцов,

выполощенные
Солнцем
Купола
Ярославских Колоколен...
Ярославль

Детский сквер

Песочные
часы
Солнечной
Карусели.

Ярославль

Белые
крылья
сидящих
на воде
чаек.
Парусники.

Луковая
чешуя
на яичной
скорлупе.
Роковая отметина.
Ярославль

В катере

На воде –
в аквариуме.
За стеклом –
Небо.

И: в странном музее

Собранные
под
стеклом
Птицы...

... Зафаршированные
звери.

Кладбищенский
сон
ночного
вокзала.
Зал ожидания
Киров

Я – будто в дюнах...

Белые каравеллы
домов.
Московская Пустошь...

Чайка,
 превращенная
 в Утку
 светлым
 кивком
 волны.
Ярославль

Парусники

Крылья бабочек
 лезвием волн
 исцарапали
мокрое
 Небо.

Тьма, равная тьме.
 Тождество Мрака.

Осень

Светом
 от звезд
 согреваются
Птицы.

Первый снег

Звезды
 на
 парашютах.

В ожерелье
 из звезд
 кружит

теплая
осень.
Бабье лето.

Осень

Осыпавшиеся
сны.

Волны

Прилив
Чайки
с разбега
прыгают
в воду.

Отлив
Взбухшее
море
бьется
о камни.

Осенняя истома

I

Яблони
отяжелели
к Утру.

II

С розы
сорвали
красное
платье.
Осенняя истома.

Солнце
запуталось
в водорослях.

Разбитые лодки,
полные
птиц,
ушли
глубоко
в море.

В сером
дожде
Чайки
полощут
крылья.

Л. Барановой (подруге)

Уйти
от себя,
Чтобы
не быть
одному.
Знаешь –
ведь
это
всего
лучше,
что пожелать
врагу.

Небо в стакане
с выбитым
дном.
Одесса.

Письмо А. Клокову (театральному режиссеру)

Я буду
звать
Вас
Так долго
и так Высоко,
что Вы
обернетесь
к Свету...
Лимонная Птица.

Л. Барановой (подруге)

Ты хочешь Домой
и просишь
с собой унести
желтизну
сухих
листьев
в глазах,
усыпанных
жемчугом
Первого
Снега –
из разбившейся
картины –
Осени.

На клумбе

В белой
пыли
фонтанов
маленький
Ослик
медленно
ест
пожелтевшие
звезды.
Хочет
вернуть
Лето.

Ночь

Тихо
 в Саду.
 Я иду.
 Уношу
 с сухих
 листьев
 теплые
 краски.
 В стакан –
 Последние –
 Капли –
 лета –
 стряхиваю
 с ресниц.
 Автопортрет Осени.
Краснодар

Чайки
 выходят
 на
 берег
 погреться.

Чайки
 с Воронами
 делят
 Берег.
 Октябрь.

Белые
 улыбки
 Солнце
 вывесило
 на
 бельевых
 веревках
 утра.

Горизонт
 распахнулся.
 Линия
 равная кругу –
 Солнце.
 Свет,
 идущий
 от моря.
 Цвет.

Осень

Пьяное
 Солнце
 холодной
 щекой
 прижимается
 к ветке
 ореха,
 вдыхая
 покой
 отрезвляющей
 старости.

И: Берег

Горизонт распахнулся,
 обернутый сушей
 изрезанных линий
 распятого
 Солнца.
 Пасха.

Равновесие
 звука –
 Горизонт.

Дыры
 между
 звездами –
 это наши
 жизни.

Когда
 устают
 ноги,
 упришь
 головой
 в сосны,
где в такт
 соловьям
звезды
 раскачивают
 стволы.

Деревья –
 это наши
 мысли.
Птицы –
 это наши
 чувства,
в которых мы,
обернутые
 снами
 цветных
 дождей,
спим,
 защищенные
 от всякого
 беззвездья.

Облака

В Небе
расцвели
медузы.

Осень

Сквозь –
паутину –
Солнце.

Смирение

Желтые
листья
в блюде
с водой
растворяются...

Розы
осыпались
в море.
Наполненный
звездами
невод.
Сети Нептуна.

Молитва Девы (Зодиак)

Дух	в синих
Душа	глазах
Сердце	ветра
Солнце	стынут.
Любовь.	

Дева

долго
стояла,
прижавшись
к дверному
стеклу,
за которым
в костре
из живых
листьев
таяли
сны.

К утру

седина
скрыла
последнюю
прядь
пепла.

Обнаженная

В стекло
разбитых
облаков
глядится
Дева,
сбросив
с плеч
сухую
тяжесть
листьев.

На самом
дне Горизонта
Желтые
Листья любви
падают
в воду...
сливаются
с тенью
скользящей

к берегу
яхты...
Осенние свадьбы.

Дрэв дакрананне
твар у цяні –
ты ці ня ты?
Ячшэ невядома –
гэтак вясну адчуваю...
быццам
у раннім дзяцінстве.

Звезды
так
далеки –
От меня
до тебя
расстояние
не меньше
руки,
сложенной
над
глазами.

Одесса

Одна
за
одной
кружатся
пары,
как
если бы
мир,
переполненный
вальсом
вырвался
в Залу,
с балконом
на юго-восток.

Сено
 скосили,
 связали,
 убрали.
 Подсолнух
 удивленно
 глядит
 себе
 в ноги,
 не находя
 Солнца.
 Земля и
 Небо
 поменялись
 местами.
 Осень.

Яблынь пялёсткі –
 Вопратка белая
 Гэтай вясны...
 Ціха прыцісну раснікі...
 ...мога, убачыцца,
 можа прысніцца –
 воля...радзіма...святло..?

Звон у начы

ДрэMLE рака,
 дрэмле бераг...
 у хацінах няма
 аганькоу...
 ледзь зоркі
 камусьці
 даряць надзею –
 Зноу...
 Зноу...

Марі

З усмешкай
Ты бачышь,
Як тае свечка снегу
У маім сэрцы...
 Найчысцейшая...
 Таямніцу тваю –
 Месяцам, сонейкам
 Схаваную таямніцу –
 чытаю –
 у імяні тваём –
 Ма-рі
 Пялестакі цішы,
 быццам воск
 у далонях...
 ...Таямніца Любві
 Тваёй –
 Мора...
 Ма-рі.

Ракушки

Рассыпалось
 белое
 солнце...
 в глазах
 перламутровых
 капель –
Песок –
 Пирамидами
 Света.
Веер
 Тополя –
 Лето...
Тополиное
 сито –
 Осень...
...Молитвенный
 Шелест
 Тополя...
Бабье –
 Лето...

Тыльная
сторона
Осени
Пыль.

Сад в ночи

Я и ты,
остывая от ласки
зажигали огни
светляков
и стихов...

Свет горечью замажу,
Чтобы любовь
ослепшую
за сажеей скрыть
И у дождя осеннего
Прощения просить...

Я путешествовал
по линиям твоей руки
сжигал клубки,
рассыпанные в звездах,
в ночи
скукоженную горечь встреч
смыл поцелуем...

Силуэт

Когда ты уходишь, отчаяние музыки
необъяснимо пьянящего контура глаз,
поцелуем скользящего звука,
привычно, как смерть...

В лесу

Пока еще греют –
зеленые листья –
оранжевых сосен –
стволы улыбаются
Солнцу осеннему!

В Саду

Прозрачней яблоки
И глубже звук –
их стук об землю
тяжелей,
чем плач
дождя
осенним утром.

Провожая Лимонную птицу

Какой желтый дождь!
Из осенней листвы
упорхнули жар-птицы...

Бабым летом

Свет пробивает Путь –
сквозь шепот листьев:
...Жду Солнца,
Жду Весны.

Балтийское море (Волны)

Вскрикнув над скалами
Медленно верится –
Солнце желанное
Выблеснет пеной
Трезвучие гортанное
Ветра,
Воды и Огня.

Русалка

Солнцу навстречу
Из волн морских
выбросит тело свое
Снегурка-дельфин.

Вопль

Опять в погребении
разрушенных скал
в ущелье скользящего эха
песок
звучит флейты
блестящего времени
волн
вырывает мольбу
и любовь.

В холщовом ветре
тень кипариса
едва заметна.
Ночь.

Земля была сухой
и пахла хвоей.

Звезды на ниточке.
Млечное кружево.

«вновь слышу Чайку...»
Солнечный крик
радости
вырвался из груди!

В море
ослабшее тело медузы,
исполненной радости –
вдруг расцвело!

Белая бабочка
Нервно к стеклу прижимается
— Чувствуешь, чувствуешь осень?

Как горячо
пахнут камни,
разбитые Солнцем!

У горизонта распластавшись –
Солнце!
Прими в объятия ветра –
поцелуй печали; снег твоей надежды –
длиннее упования моего
на Свет.

Закат

В море
опущенный факел
Солнечная стезя.

Иду по Солнечной стезе

Ступаю
навстречу Закату, –
лишь травы морские
скользят под ногами.

По веселой поверхности волн
Плыли двое...
Эхо светлой печали
Качалось в горах.

Лазурь подкрашивает море.
Ресницы томно опустив
Журчит Павлин.

Слива
с ветром
сдружилась
под осень.

Волна – Небу

Бездонная Лазурь,
Позволь –
Прижаться
Хоть на миг
...Губами к Ветру...

Сгоревший полдень

В Сад
еще иногда залетают
Лимонные Птицы, –
Сердце
в янтарь превращается, –
Листья
осенние плещутся...

В детской
 коляске
 везли
 сапоги.
Ребенок
 шел
 рядом...

Белый
 саван
 памятников...

Небо
 в
 стихах.
Голова
 в
 Цветах.
Сад.

У Храма коптили трубы.
Небо, очищенное в глубине Реки,
выкатывало на поверхность
черные кольца грязи,
складываемые течением
к белым стволам Берез...
г. Киров, ТЮЗ, 1986 – 87

Среди
 березовых
 стволов

старушка
молилась
обгоревшему
Храму...
г. Киров, ТЮЗ, 1986 – 87

Роса в горах

Извергнутые снегом
сонные Вершины Гор,
объятья скал, песков и камней...
лесных озер...
Спрятанный в глубине гнезда
первый пух птицы,
тающий в листве подорожника
смехом морских звезд...
Победный зов
далеких,
как Солнце, миров;
Вспаханная тишина поля,
сдавленная взмахом
орлиного клюва
разинутого перед сном, –
тонким цветным сном
Утренней
Росинки.

Год дракона

Трижды вздохну,
поклонившись
Юпитеру.

Пальмовое воскресение

Через замерзшие стекла
прозрачные щупальца Пальм... –
С Новым Годом!

Наряжу –
как невесту –
елку.

Украшен кипарис
слезами ветра, –
С Новым Годом!

Моцарту

Вы улыбаясь
ходили по радуге
как по стеклу...

Шопену

В Небе
красный Гранат
разыгрался дождем,
разноцветные струи –
лицо
Фредерика Шопена.

Что есть свобода?
Что есть слава?
В желанье власти
над толпой,
тебя прославившей
повелевать –
и быть свободным
властвуя – свершать
и не свершить.
Свободовластье.

Поцелуй Иуды

I. Цветок

Вы питая
до дна
чаша.
Сомкнутый рот Отражений.
Напоминающий глаза Свет.
Погружение.

II. Музыка

Улавливаемое слухом
продвижение по стеблю –
Гармония двух Начал.

III. Любовь, Вечность

Исполненное
страхом
выявление
Истины.

IV. Война, предательство

Разрезающие
Небесную
Твердь
самолетные
Знаки...
...Память
об
Икаре.

Запутавшийся
в ветках
сосны
Солнечный
луч.
Паутина.

Утро,
крещенное
паровозным
гудком,
съежилось...
Роса.

Утро

Выброшенная
первым лучом Солнца
соловьиная трель
покатилась по сонной траве;
свертываясь росой,
замерла в смущении
секундной паузой
перед началом
дня...

И – не – Весна...

Протянуты руки былой неподвижности
вглубь уходящего снега
от Солнца мгновенное эхо
уносит любовь,
В молчаливом, согласии света
весны отрицание,
Жалобы нищих берёз,
Созерцающих –
белую ночь –
обещаний –
короткого утра –
печали –
без слёз.

Взгляд сквозь ветви

Черной залетной птицей
Кружит старуха-ночь!..
Кто-то кому-то снится, –
Я убегаю прочь.

Я – Цапля.
 Я – дух Цапли.
 В зеленых
 дюнах
 болот
 дрожит
 первый
 луч
 Солнца,
 скользит
 по
 темному
 дну.
 Я замерла
 в трепете...

Тенью
 ночных
 трав –
 птичьих
 следы
 осени
 дрожат
 в тополиных
 листьях.
 страх
 старости.

Снежок

Треугольник
 лица
 срезан
 линией
 жизни...
 Человеческий
 глаз,
 вопрошающий
 к Небу

из скорлупы,
тает
в руке,
выронившей
Яйцо.

Заклинание Солнечным лучом

Гамма цвета –
песня Света –
в пустоцвет
тьмы.
Разбрызгайтесь, –
серебряные –
капли звезд –
в красных
глазах
Солнца!
Опутайте волшебной
нитью
Сонное зеркало слез!
Вдохните жизнь
в мертвые глаза
статуй!
Верните цвет – Камню!

Я слышу
сверчков.
Их звуки
чисты
как
летние
звезды,
в которых
рождается
стук
твоего
сердца.

Краснодар, 1988 г.

Тяжелый
запах
Земли.
Ночь.

Взбухший
живот
Сада. –

Август.
Первенец
Осени.

Краснодар, 1988 г.

По ту
сторону
Солнца
сладко
спишь
ты,
сердцем
диктуя
мне
срок
своего
возвращения.

Жизнь
при
свете
керосиновой
лампы.
Краснодар.

Птичье

Молюсь
улетающим
Птицам,

взрывающим
Синюю
 глубь
 Неба,
Чтобы –
 ты –
 ожидая – меня –
с другой –
 стороны –
 Солнца, –
Запомнил
 день
 моего
 Возвращения.

Каждую
 Ночь
 на
 Востоке
встает
 Солнце.

Молитвенный
 шелест
 тополя.

Море –
 острым
 кинком
 джигита.
Джанхот.

Солнце
упало
в Сосны.
Пожар
в лесу.

Когда
разрушали
двери
моего
Храма,
я
держала
в руках
Восходящее
Солнце.

Море на Кавказе

Глиссер
взбивал
синюю
пену
в белый
коктейль
волн.

За окном

За окном
дует Ветер,
Тяжелый и сильный.
Я слушаю
Ветер и Ночь.
Какая-то Птица
с огромными
черными крыльями
бьется в Окно.
Боюсь, но впускаю.
Сова.

В блестящих глазах:
зеркала – изумруды –
Читаю –
ответ –
о –
тебе...
Птица –
Становится –
белой,
превращаясь –
в летучую –
мышь...
Слепая –
Белая –
Тень –
Утра.

Раздвоение Луча в Озере.
Спектр Луча – разложился на гамму цветов.

Изгнание черного: но

I

Желтый!
Красный!
Синий!
Зеленый!

II

Раздвоение Горизонта.
Белый –
и:
...Черный.

Комната.
Свечи.
Холодный пол.

Нацеленные в душу
деревянные
Дула Орудий –
Глаза –
мишень...
Страх... и –
выстрел –
в спину.
Укол –
в сердце –
лицом –
к –
стене –
выношу
приговор –
себе –
...Выкрасите –
мою –
тьень –
Неприменно –
Белым.

Молитва Кая

Г. Х. Андерсен «Снежная Королева»

Мне –
Не –
Решить –
Задач –
в Числах.
Герда!
Помоги –
собрать –
Вечность –
Слово,
выскользнувшее
из
Вод
Памяти –
Белым –
Комком –
Снега, –
Чистым, –
Как –
Твои –
слезы.

Летнее

Ночь.
На губах –
тень
цветка
клевера.

У ночи
теплые вздохи.
У ночи
соленые губы.
У ночи
прозрачные слезы.
У ночи
легкое платье звезд.
У ночи
тонкие руки,
блестящие белые
крылья
испуганной
птицы.
У ночи
выпорхнувшей
из Дня.

Жизнь как молитва.
Конечный результат –
Угол наклона Тени.
Сферическое обрастание,
сводимое к точке.

Тень
звука,
движимого
по стеклу –

белым
циркулем
слова.
Память.

Тополь –
калейдоскоп
Солнца.

Луна,
захваченная в плен
глазами
влажными
МОИМИ.
Упала в ночь.
Автопортрет.
Август 1987г.

Софоклу

Арфа.
Струны –
как стрелы. –
В воздухе –
звон –
облаков и боли,
за спиной
теплые
капли крови...

Вятка (прощение)

Осень
смеется
одними
глазами,

посылая –
 мне –
 вслед –
воздушные –
 поцелуи –
 Солнечных –
 облаков,
тающие –
 в вышине –
 легкими –
 хлопьями –
 мокрого –
 снега.

Осень

I

Полночь.
 Тихо
 в Саду.
 Я иду.

II

Уношу
 с сухих
 листьев
теплые краски
 в стакан
 последние
капли лета
 стряхиваю
 с ресниц.
Автопортрет
 Осени.

Утро в зеркале

Когда я
 думаю
 о тебе,
я вижу
 дальние
 Звезды,

на струнах
цветного
дождя.
в облаках
я вижу
себя –
с серебряной
флейтой,
слагающей
гимн
Восходящему
Солнцу.

Дракон

В первом
вагоне
везли трупы.
Отсекая
одну
за другой
головы
станций,
в окна
вползал
свет
красных
уличных
фонарей,
вымазанных
цветком
Полуденного
Жара.
Хвост
разметал
Звезды.

На желтом Дне Осени – Белые звезды.
Снежная маска.

Лилия
 в вазе.
Листья
 в Воде.
Жемчуг
 рассыпанных
 капель.
Сухие Слезы.

Множество (сухие листья)

Растворение в Осени,
 Расслоение в Звездах...
Круг Времени,
 поросший
 спиралью сна,
принимаемого
 за Веру.

Осень

На листьях
 камышей
 дрожали
 слезы,
забытые
 в траве
 первой
 Любви.

Коктебель

(неизвестному художнику, живущему на...)

Вы, верно, счастливы – у Вас
 за окнами бушует море?
Сквозь хоровод зрачка
 на воду смотрят кошки –
 не мигая, –
там, в глубине зеркал, – за – звёздами –
 рождается весна...

Чувство юмора –
чувство Полета.

Чувство Времени –
Форма покоя

Зеркало не может отразить
Самое Себя –
Трагичность –
Чистота Взгляда.

А. Сокурову «Скорбное Бесчувствие»

по Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца».

И снова –
царствие Ворон
среди усопших листьев,
Дом,
откуда вышли
призраки Луны?

После любви

Розовые
розы

И. С. Баху

Седой туман
по клавишам Дождя
угадывает Путь
Молчащих звезд.

Вспоминаю свое имя

Светлячок? –
 Это Майя!
И в мире эльфов
 я тебя
 узнаю!

Зимние сны

В кружеве
 кружится
 Ива.

Снег на воде

Долго кружилась над морем
 Любовь...
Где он –
 Исчез –
 вдохновляющий холод...

I

Луна
 в ладошке
 уместилась

II

Половинка Луны
 закачалась
у сердца.

III

Луна подарила мне
 Боль
 и Любовь.

IV

Ладони вытянутых линий –
дороги звездных виражей...

В колодце твоих глаз
всегда тепло...

Излишки красоты
порождены уродством.

No! No! I not love Death!

В трагическом финале любви Ромео и Джульетты Шекспира, оканчивающейся естественной смертью героев виноват Пастор – Идея Встречи с Любовью, со Светом – в гробнице...

Nonsons!

No! No! I not love Death! But: ¹

Возможно, что после смерти
мы узнаем, сколько раз и где мы были рождены, и
снова встретим тех,
кого забыть успели.

Лао-Цзы

Когда я нем –
я лучше говорю.

Каштановая сухость глаз –
зимой...

¹ Нет! Нет! Я не люблю смерть! Но...

Ночь без сна забытья –
шершавые губы деревьев
молитвой о сне и покое
разгорячили Луну.

Совы спрятали Солнце. –
Белые Совы –
Где же снега?

Повисло в воздухе
немое отраженье
зеркальных брызг. –
Туман...

Белые звезды –
Рождение Весны.

Хвоя
с кислинкой
Кабардинка.

Л. И. Брежневу

Портрет
Хемингуэя
в белом кафеле
согрет
розовым мхом
китайской мимозы.
Дельфин из картона.
Геленджик.

Ветер –
 скрутил руки –
 в последний крик –
больно –
 на кончиках –
 сосновых –
 игл –
танцевать –
 босой –
 медленный –
 вальс!

Краснодар

Тревожно.
 Ветрено.
 Корабль
 первой
 Любви
утонул
 в ржавчине.

Лунная скорбь

Когда-нибудь
 отпустит боль
 меня на снег
 погреться?

Осенняя радость:
 – Не вянет...

Между Луной и Солнцем

Ты в пенопении
 шагов уходящих
 растаеть...
 Осеннее Эхо.

Осеннее (vivo) ¹

Быстро –
 Бурей –
 Бурлящая
 Нежность
 Обрушилась
 Болью –
 Березовой...

Как улыбнуться, если дождь
 из-под земли корнями
 красных стеблей
 струит Тоску
 и Боль?

Осенние иконы

Дрожащие капли рассвета:
 В груди беззвучный поцелуй
 тумана желтого
 На липе
 Солнца луч
 уснул...

Мурчалка (осенняя песенка)

Рыжий кот
 еще помнит
 о Лете.

Последняя Нежность:
 — Мое ты Солнышко
 Осеннее...

¹ vivo (муз) – живо

Лето

Женщина,
 восходящая
 на
 вершину
 скалы,
выплеснув
 в Небо
 кувшин
 с медом, –
воздев
 руки
 перед алтарем,
плавилась
 от любви.
Сожжение Весны.

Летняя песенка

За окнами
 жужжали
 прохожие.

Ползущие
 к воде
 жуки.
Авто –
 страда.

Весной

Отмытые
 тела
 берез.
Водное крещение.

Опущенные
в реку
купола.
Вечерняя молитва Храма.

«Зодиак»

Козе –
рог.
Дорога –
искупления.

Солнечный луч
скользил по гладкой поверхности воды
ладонью, тянущейся к горизонту.

Прозрачные прикосновения пальцев,
отраженные улыбкой радужных пятен
в знойной высоте Неба
прятались в плотный унисон звука,
равного тишине.

1 Мая

Кружащее
над
стрелой
демонстрации
голубиное
перо...

Белые выдохи
облаков.
Прощение.

Электрик –
часовой
света.

Очищенные
ото сна
деревья.
Осень.

Веретено

Ветер,
выматывающий
душу
облаков.
Клубки туч,
собранные
светом
Тонкая нить
Солнечного
луча.
Пряжа Радости.

Разомлевшая на Солнце река.
Паводок.
Таинство утоления жажды –
любовный хмель –
погруженных в воду берез.
ворожба, переклик птиц.
Свадьбы...
Прорастающая из глубины
первая
зелень
листьев.

Сложенная
в спираль
струна
скрипки,
вводящая
в Музыку...
Скрипичный Ключ.

Солнечный дождь волос,
падающих в воду,
Нанизанные на нить радуги облака –
Венок, обрамляющий
лицо Солнца.
Вскормленное Светом Сердце –
открывшийся занавес Водорослей,
разлетающихся в Бесконечность
взмахом птичьих крыл.
Лошадь,
пьющая
свое
отражение.

Дети,
выбивающие
барабанную
дробь.
Утро Казни.
9 Мая.

Будто – и – не-война: А – А

I

Последние приготовления перед казнью,
повисшая в страхе голова –
расползшийся на коленях ужас.
Склонившаяся чаша весов,
обороняющая Вечность.

II

Прозрачные пучки рентгена,
ощупывающие тело –
Выявление
радости...

III

Выстроенные в ряд инструменты...
«Луч Солнца» «Блеск металла» «Твердь глаз».

IV

«Обрывание лепестков...»
Потушенная тотчас последняя лампа «Выхода» ...
Будто – и – не-война: А – А

Купание

I

Намыливание.
Натирание.
Выпаривание.
Струи глаз,
воды,
крови.
Водопад ужаса.

II

Скольжение по сосудам,
легкое бормотание,
обеззвученный сигнал «К радости!» –
пляшущее стаккато взглядов:
глаза,
губы,
руки,
стягивающие, обретающие твердь.
Вытирание.

Замаливание.

Засаливание...

Кипятком...

Будто – жалом...

Страх, обернувшийся Паром.

Но: Радость???

будто – и –

не – война: А – А

III

Отползающий вспять

конвейер грязного белья,

пахнущего кровью.

Красный свет спрятанной

лампы «Входа».

Умирание.

Звук горящего нимба.

Радуга.

Кисель с молоком.

Летний полдень.

О снеге

И снег по-новому

вдруг научил

смеяться...

Белый пух

Не родившейся Птицы

Вот и все.
Наконец...
Убаюкали зиму.

Под снегом
ель
Гордится.

Густое Солнце, –
Снег.

Вдыхаю звездный аромат. –
Зимой.

Полярная звезда –
Свет,
пронзающий
снег.

О льде, о кристаллах

Зимой легче мыслить.
Свет, исходящий от сердца
меньше рассеивается.
Повышенная кристаллизация.

Профессионализм? –
Сосредоточение,
умение связать узор чувства
нитью разума.
Ариадна

Без Солнца
Тучи медленнее движутся, –
На ощупь...

Град

Горсть Солнечного Света
меж рваных облаков
Просыпалась.

Синяя даль
между взглядами спящих деревьев, –
Костер на снегу.

Клубками
Тучи падают
на землю.

Ветви сухие брошу в огонь –
Холод уйму
в сердце.

Дым паровозный
прямо в облака уходит, –
Ждет меня Дорога.

Приход весны

Дождь перешагивает Ночь –
под фонарем
Цветные реки.

Павлин

Густаву Малеру (композитору)

След от звезды
меня выведет
к Солнцу.

Мари

Пречистая –
тайну твою
Солнцем, Луной,
рожденную тайну –
читаю –
В имени Твоем –
Ма-ри...
Тишины лепестки,
словно воск
на ладони...
Тайна –
Любви твоей...
море –
Ма-ри...
С улыбкой –
ты смотришь –
как –
тает –
свеча –
снега –
в –
моем –
сердце...

Мари

Прошу –
 приучи
 меня к Свету
 и к Солнцу...
Приучи
 к улыбке, к мерцанию
 звезд...
Прошу –
 прими мое
 сердце, мой голос,
 мои шаги и –
 печаль –
 в глазах –
 моих...
прими,
 как море...

Мари

Твой трон –
 Небо,
Твоя корона –
 Солнце...
Твоя улыбка –
 Море
 Звезд,
...моя молитва –
 море
 ночных огней...

Мари

...Прости...
Вновь приношу
 цветы
К Твоему Окну...
Тонкокрылые маки и –
 темно-алые
бутоны
 роз...
 только-только
срезанные
 в моем
 Саду.

2000 – 2001, Минск

Луна
на привязи
хохочет
качели ночи
теребя.

У далекой звезды –
нет названия.

Рушатся айсберги
глыбины льда
плавают в Небе.

Птицы за стеклами
плачут о лете
бьются в окно –
выставляю свечу...

Седая Луна
со звездой сиреновой шепчется, –
Млечный Путь.

Цветут облака.
Ирис
пробужден
паутиной вчерашнего дня, –
Улыбается...

Голуби

Туя! Туя!
Голубая Туя!
Кедр голубей!

С каждым Днем
все белей
Небо...

Всю ночь
в ладоши хлопал Кипарис,
а снег с дождем
не унимался.

На Луну смотрит кошка,
камин догорает
в Ночи.

Над куполом цирка
кружатся вороны, –
начало зимы.

Ломтик мороза
в снегу
первый лед.

Все чаще и глубже вдыхаю
морозною
ночью...

Свет гашу –
буду думать
о звездах.

Любовь,
равная
самоубийству.

Любовь может быть бурной, как море
и легкой, как вздох.

Как
мне встретить
тебя?
Рассматриваю
дороги
звезд
в сумраке
куполов... Как ты
встретишь меня? Стрелки
косых лучей
замерли на
песке
дальнего
моря. Как
мне запомнить
– эту
последнюю

нежность сквозь...
пронзенных
ладоней? – След
внезапной зари
– там,
в перевернутом Небе...
...Замру, –
и – опять, словно в детстве,
отсчитываю шаги –
один,
два,
три...
только бы
не упасть,
только бы
не отступиться,
только бы
не утонуть
там, в
Глубине...

Белый
мост
через
синее
озеро.
Дорога к Храму.

У пригорка

Брошенные
под
откос
дети...

Две белых чайки
на куске парафина,
вымелькнувшем из реки.
Черный хохот ворон
в запекшемся воздухе.

Стекающая
гармония
Солнечных
радуг.
Слепой Дождь.

Небо
в Сирени.
Весна.

Бог – Счастье.

Христос –
Солнечный
Щит
Тьмы.

Сон –
заглядывание
под
Покрывало.

Задернутое
покрывало
Сна. –
Утро.

Прошлепавшие
по грязи
теплые
лапы
Дождя.

Тянувшиеся
к Свету
ветви
деревьев,
указывающие
Путь...

Прокатившееся
по горизонту
Солнце.
Железная Дорога.

Кэту. Сборник стихов, том 3 «ОМ (поэтическая фантазия». Оформление, коллажи А. Дегтярёв.
Минск, 2009 г. «Кухняпринт» 2009 – 166 с. Подписано к печати 28.07.2009. Формат А4. Бумага
офисная. Гарнитура Arial. Экземпляр № 1. Заказ :)))
© Черникова Светлана Анатольевна
sveta_cher@list.ru

Минск 2009